

ЗЕРЦАЛО КРОВАВАЯ ОСЕНЬ

ЛИЛИЯ ТОЛИБОВА

Лилия Толибова

Кровавая осень

«Автор»

2026

Толибова Л.

Кровавая осень / Л. Толибова — «Автор», 2026

Лэя возвращается в Сребрянск после первого года войны с Разломом, мечтая о доме, мирных заботах и друзьях вдали от магии. Но даже здесь, в объятиях родных, прошлое не отпускает её — Кантус пронизывает всё, а сны и письма из Готерна напоминают о боевых буднях. В новом семестре Осколки воссоединяются в Замке: вместе им предстоит пройти настоящую войну взрослых, испытать силу связи, цену памяти и жестокость выбора между жертвой и спасением. Когда Разлом угрожает прорваться сквозь древние узлы, судьба Кантора-Зерцало становится центром — и личная трагедия сливается с битвой за целый мир... «Кровавая осень» — это яркая повесть о взрослении, утрате, дружбе и безжалостной цене того, чтобы остаться собой в войне магии и реальности.

© Толибова Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

АКТ I: ВОЗВРАЩЕНИЕ	5
Глава 2. Воссоединение Осколков	14
Глава 3. Новые тени	23
Глава 4. Под прицелом	33
Глава 5. Тренировка пределов	41
Глава 6. Близнец в стенах	50
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Лилия Толибова

Кровавая осень

АКТ I: ВОЗВРАЩЕНИЕ

Глава 1. Лето между мирами

Лето в Сребрянске пахло пылью, горячим хлебом и мокрой шерстью.

Город, который она знала с детства до последнего камня на мостовой, жил своей неторопливой, вязкой жизнью, словно ничего в мире не изменилось.

Только внутри Лэи всё было другим.

Утро начиналось не с боевого колокола, а с тихого стука половика о порог и негромкого ворчания Марианны, которая, как всегда, поднималась ещё до рассвета.

– Вставай, соня, – сухая ладонь легко тронула её за плечо. – Хлеб сам себя не испечёт.

Лэя моргнула, всматриваясь в знакомый потолок с трещиной в виде ветки, и на мгновение не смогла понять, где она. Не было тяжёлых сводов Готерна, не было ледяного воздуха, не было монотонного гула Кантуса, пропитывающего всё.

Только мягкая постель, запах сушёных трав, скрип знакомой кровати.

Дом.

Она медленно поднялась, натянула простое льняное платье и спустилась вниз.

Кухня встретила её теплом печи. На столе лежал уже вымешанный круг теста, накрытый полотенцем. На лавке – корзина с яблоками. Рядом – нож, который знал её детские пальцы лучше любой рукояти меча.

– Что на сегодня? – спросила она, приподымая край полотенца и вдыхая запах тёплого теста.

– Хлеб, пироги, – перечислила Марианна, даже не оборачиваясь. Она умела двигаться по кухне так, будто была с ней одним целым. – Потом рынок. Надо поменять яйца на соль. И ты обещала покрасить забор.

– Я не помню, что обещала, – буркнула Лэя.

– А я помню, – сухо отрезала бабушка. – В Готерне, значит, приказы слушаешь, а дома – нет?

В голосе не было укора, только привычная железная нотка.

Лэя хмыкнула и потянулась к тесту. Пальцы сами вспомнили движения: собрать, прижать, потянуть, снова собрать. Ритм, под который можно было почти что медитировать.

Когда-то, в прошлой жизни, это казалось ей тяжёлой работой. Теперь – почти отдыхом.

Только одна деталь не давала забыть: серебристые нити, которые она видела.

Кантус не исчезал. Он был везде.

Он пронизывал мягкое тесто тонкими, еле заметными жилами – тёплыми, податливыми. Связывал бабушку с ножом, которым та нарезала яблоки, – коротким, плотным узлом привычки. Тянулся от старых часов на стене к деревянной балке потолка – давним ритуалом, когда Марианна когда-то сама вешала их, напевая себе под нос.

Кантус в этом доме был тише, добрее, мягче, чем в Готерне. Но он был. И теперь Лэя не могла не видеть его.

Она зажмурилась, пытаясь на миг «заглушить» зрение Зеркала – вернуть себе привычную, обычную картинку. Получилось лишь вполтину: нити стали бледнее, но не исчезли.

– Ты опять? – голос Марианны заставил её открыть глаза.

– Что – «опять»? – честно не поняла Лэя.

– Уходишь куда-то в себя. В лице побледнела, руками мнёшь, а сама не тут, – бабушка отложила нож и окинула её внимательным, хищным взглядом, каким когда-то, наверное, смотрела на врага, а теперь – на внучку. – Кантус смотришь?

– Он... не выключается, – призналась девушка, опуская глаза. – Раньше я не видела ничего. А теперь... даже ты – как узел нитей.

Марианна прищурилась.

– И как я тебе?

Лэя осторожно всмотрелась. Вокруг бабушки всё было иначе, чем у простых людей. Нити Кантуса были плотными, многослойными, местами – обожжёнными и ссохшимися, как шрамы. Некоторые – оборванными. Всю эту сложную конструкцию пронизывала мощная, когда-то яркая, а теперь тусклая, но упругая основа.

– Как... старый, стянутый шнур, – честно сказала она. – Который уже столько раз рвали, а он всё держится.

Марианна фыркнула, но в уголках её губ мелькнула тень гордости.

– Твоё Зерцало стало сильнее, раз видишь такое, – бросила она. – Ешь. Твой Кантус – не единственное, чему нужна подпитка.

День тянулся как вязкий мёд.

Он был полон обычности – почти издевательски.

После хлеба были яблочные пироги. После пирогов – забор.

Лэя стояла во дворе, в старой, давно вытянутой рубаше, перемазанная белой краской, и размашистыми мазками покрывала серые доски. Солнце припекало затылок, от близкого моря тянуло прохладным ветром, в котором висели крики чаек.

Иногда мимо проходили соседи, кто-то кивал, кто-то махал рукой. Для них она всё ещё была «внучка Марианны», а не Зерцало, не оружие, не живая приманка для Разлома.

– Подросла, – крикнул через забор сосед-рыбак, седой Эйнар. – Совсем красавица стала. Женихов отгонять тебе скоро придётся, Марианна!

– Пусть сначала доживут до моих дверей, – буркнула бабушка из окна. – А там посмотрим.

Сосед рассмеялся и пошёл дальше. Лёгкий, ничего не значащий разговор. То, что раньше бы её немного смутило, теперь ощущалось как спектакль по чужому сценарию, который она уже переросла.

Нити Кантуса от соседской лодки, прислонённой к стене, тускло мерцали усталостью дерева. От самого соседа тянулись тонкие нити к морю, к сыну, к старому, потрёпанному шуршащему плащу. Мир вокруг был связан, сложен, уязвим.

После Готерна, где каждый второй был Кантором, Сребрянск казался стеклянным городом. Обычные люди – хрупкими фигурками, которые могли разлететься в прах от одного неверного дыхания Разлома.

И только она видела, насколько они хрупки.

Вечерами, когда работа была сделана, бабушка уходила перебирать травы или на задний двор – проверять вялящуюся рыбу, а Лэя садилась за стол у окна со стопкой бумаги и пером.

Письма стали её единственным мостом в тот мир, который теперь был родным.

Она старательно выводила строчки, следя за тем, чтобы чернила не растекались – Марианна всегда ругалась, если перо было «как у курицы лапа».

«Дорогие Осколки,

пишу вам из кухни, где прямо сейчас бабушка заставляет меня чистить рыбу. От кантуса тут только запах... хотя нет, вон кости на столе светятся, как маленькие руны, если приглядеться. Она говорит, что я мну рыбу как врага, а я думаю о том, что враги были менее скользкими.

Живот болит от пирогов. Похоже, меня хотят закормить до состояния шара и отправить обратно в Замок, чтобы кататься по коридорам и сбивать маэстро.»

Она усмехнулась, перечёркивая последнюю фразу – пусть останется в голове.

Каждое письмо она начинала одинаково – с нейтральных деталей, с шуток, – и только потом осторожно подступала к тому, что действительно важно: как сильно она тоскует по ним.

Ответы приходили неравномерно, то пачками, то с задержками – почта Фанзии не была точной наукой.

Письмо Златы всегда можно было узнать ещё до того, как развернёшь: конверт усыпало пятнами от чернил, угли, иногда – следы конфет.

«ЛЭЯЯЯ!!!

Я думала, я СДОХНУ без нормального КАНТУСА!!! Ты представляешь, меня заставили ПАСТИ КОЗ! Они орут громче, чем Маэстро Гектор! Одна из них ТАК на меня посмотрела, что я почти ей поклонилась. Я, Злата Огнева, почти поклонилась козе!

А ещё... У нас тут появился один. Парень. Он из тех, которые думают, что если у него ямочки на щеках, то весь мир обязан ему аплодировать. Сначала он мне дико нравился. Потом он спросил: «А зачем тебе учиться в Готерне? Главное же – удачно выйти замуж». Я случайно подпала ему рубашку. Чуть-чуть. Ну, совсем чуть-чуть. Теперь он на меня смотрит, как на Пожирателя. По-моему, это прогресс.

Как там Клод? Пиши. ВСЁ. Я должна знать, сколько раз он уже посмотрел на тебя, как на стратегическую цель.»

Лэя смеялась вслух, читая эти строки, и бабушка несколько раз всовывала голову в кухню с подозрением:

– Чего там опять? Заклинания взрыва изучаешь?

– Злата пишет, – отвечала Лэя, и Марианна хмыкала:

– А. Тогда понятно.

Письма Ричарда были аккуратными, в три слоя, с сносками по полям.

«Дорогая Лэя,

как и обещал, продолжаю работу над теорией ментального экранирования Зерцал от умбрального резонанса. Пока что мои вычисления показывают, что полная блокировка голоса невозможна без риска для личности носителя (см. формулу 3 в приложении), но мы можем попытаться изменить частотный профиль отклика твоего Зеркала, чтобы сделать тебя менее «сладкой» для Разлома.

Также обнаружил в одном из старых трактатов упоминание о «Ключевых Зерцах», которые могут не только отражать, но и разделять нагрузку между несколькими Кантус-носителями. Если это правда, то теоретически часть давления можно будет перенести на нас, твоих союзников. Я работаю над этим.

P.S. Не верь Злате: у неё отличные рефлексy, но вкус к мужчинам ужасен.»

Боб писал редко, но каждое его письмо было как кастрюля густого супа – простое, тёплое, питательное.

«Привет, Лэя.

Сегодня готовил похлёбку для всего крыла. Взял твой совет с яблоками. Получилось странно, но всем понравилось. Говорят, «с кислинкой». Майстро Гектор сказал, что, если ты

выживешь обучение, из тебя выйдет не только хороший Кантор, но и терпимый повар. Я с этим не согласен. По-моему, ты уже хороший.

Тут без тебя тихо. Злата устраивает взрывы, Ричард шипит на всех, кто мешает ему читать. Клод молчит больше обычного. По утрам тренируется так, будто хочет избить воздух. Думаю, скучает.

Возвращайся целой. А пока – ешь. Супы помогают.»

А письма Клода...

Она всегда оставляла их напоследок.

Он писал реже всех. Его конверты были аккуратны, почерк – ровным, немного сухим на первый взгляд. Но между строк скрывалось столько, что у неё сжималось сердце.

«Лэя,

не знаю, как правильно начинать такие письма. На лекциях о тактике нас этому не учили.

Здесь тихо. Слишком тихо. «Осколки» выполняют только лёгкие задания, после последней битвы Совет решил, что нам нужно «восстановиться». Я думаю, они просто боятся снова потерять людей. В коридорах стало больше эха. Оно раздражает.

Твой смех тоже эхом отдаётся в голове. Иногда мне кажется, что я слышу, как ты споришь с маэстро Валерией. Вчера поймал себя на том, что повернулся – проверил. Никого.

Ты говорила, что дом для тебя – Сребрянск. Это хорошо. Уметь возвращаться – редкий талант. Я... не умею. Мой дом – там, где мне есть кого защищать. Ты – часть этого «дома» теперь, хочешь ты того или нет.

Не лезь в неприятности без меня. Это приказ капитана.

К.»

Она перечитывала эти письма по вечерам, когда дом засыпал, а за окном шумели волны. С каждой строчкой тёплая, колючая тоска по Готерну становилась острее.

Иногда прошлое само находило её.

Она шла с рынка, неся корзинку с яйцами и булку чёрного хлеба, когда слышала знакомый, чуть визгливый смех.

– Лэя? Это ты?

На развилке, где когда-то они вместе бегали в школу, стояли две девушки. Одна – круглолицая, в ярком платке, с толстой косой через плечо. Другая – повыше, худая, с модной городской стрижкой и слишком яркими для Сребрянска лентами.

Тина и Мирка. Её одноклассницы. Когда-то – «дружилки», как называла их бабушка.

– Ты что, правда? – Тина подскочила ближе, заглядывая в лицо. – Смотрите, Мир, и правда она!

– Не может быть, – протянула Мирка, прищуриваясь. – Наша ботаничка с пятой парты, которая вечно читала сказки на переменах. А теперь – откуда ты там? Из... какой-то там... школы?

– В пансионате, – автоматически ответила Лэя, как их учили. – В горах. Немного... далеко.

Рассказать правду означало бы стереть им память. Либо позволить им умереть, если Разлом почему-то выберет их. Она уже знала, как работает этот мир.

– Ну ты даёшь, – Тина хихикнула. – А мы думали, ты куда-то уехала и замуж вышла. Или сторожем в библиотеку.

– Слышала, кстати, – подхватила Мирка, – у Дарины свадьба. За торговца тканями. Он старше, но богатый.

– И у Рены ребёнок! – добавила Тина. – Представь!

Они заговорили обе сразу – про свадьбы, домашние дела, цены на мёд, новое платье у кого-то на ярмарке, мальчишек, которые смотрели, кто как танцует на последнем городском празднике.

Всё это казалось Лэе одновременно знакомым и... бесконечно далёким.

Когда-то она тоже могла болтать о том, кто кому улыбнулся, кто купил новые сапоги, почему учительница поставила четвёрку вместо пятёрки.

Теперь за каждым «он посмотрел на меня» у неё всплывало в голове: «А какой у него Кантус? Удержит ли он хоть одну тварь из Разлома?»

За каждым «у Дарины свадьба» – мысль: «Узнает ли она когда-нибудь, что мир держится на трещащей нитке?»

Тина что-то спросила про то, есть ли «там, в их пансионате» красивые парни. Мирка прыснула, толкнув её локтем.

– Ну да, ну да, вдруг у тебя уже есть кто-то... – протянула она, заглядывая Лэе в лицо.

В памяти вспыхнуло: ледяной воздух крыши, звёзды над Готерном, тёплые пальцы, касающиеся её щёки, и тихий голос: «*Я не отпущу тебя.*»

Она поймала себя на том, что невольно улыбается.

– Есть, – тихо сказала она, и её голос прозвучал иначе. Зрелее. Тише. Тина захлопала глазами.

– Вот это да! И кто он? Учитель? – подмигнула Мирка. – Или сын хозяина пансиона?

– Просто... человек, – ответила Лэя, и в груди кольнуло тёплое. – Мы вместе учимся. И... воюем.

Последнее слово она проглотила.

Они не поняли. И не должны были.

Через несколько минут разговор иссяк. Им нечего было друг другу сказать. Тина и Мирка переглянулись, вежливо попрощались и пошли дальше, продолжая обсуждать чей-то сарафан.

Лэя смотрела им вслед, чувствуя, как под ногами шуршит гравий. Когда-то это были её тропинки. Её мир.

Теперь – нет.

Она развернулась и пошла домой, не оглядываясь. Где-то в груди, под ребрами, что-то хрустнуло.

Ниточка связей с прошлым тихо лопнула.

Инцидент случился, когда она меньше всего этого ждала.

Рынок Сребрянска в середине лета был похож на муравейник. Торговцы кричали, перебивая друг друга. Рыбаки расстилали сети с утренним уловом: серебристая чешуя сверкала в солнечных лучах. Женщины продавали хлеб, сыр, травы. Дети шныряли между лотками, пытаясь унести лишнюю горсть орехов.

Лэя шла рядом с бабушкой, держа в руках корзинку с яйцами. Марианна привычным движением проверяла качество товара то тут, то там.

– Эти губчатые. Берут воду. Не годятся, – отрезала она продавцу сыра. – А у того, у угла, – лучше.

Лэя кивая, делала вид, что слушает. На самом деле она вглядывалась. Не глазами – Зерцалом.

Обычные люди переплетались тонкими нитями, образуя мягкий, еле слышный гул Кантуса. Слабого, но живого. Сплетённого из привычек, маленьких радостей, страхов. Вся площадь была как ткань – пёстрое одеяло, сотканное из жизней.

И именно поэтому она сразу почувствовала, когда в эту ткань вонзился чужой, леденящий укол.

Холод.

Острая, как нож, нить прорезала общее полотно. Кантус вокруг на миг дрогнул.

Где-то на краю сознания – шёпот, не похожий на привычный Голос. Ближе. Грязнее. Голоднее.

Над прилавком с засоленной рыбой на миг мелькнула тень – неестественно вытянутая, слишком густая для яркого дня. Торговец, полный мужчина со вспотевшим лбом, отмахнулся:

– Вот же мухи расплодились...

Тень дёрнулась.

Это не муха, поняла Лэя, прежде чем успела осознанно сформулировать мысль.

Мир вокруг словно выпвел. Краски стали тусклее, а нити Кантуса – резче. Тень вытянулась, сгустилась и поднялась над прилавком, вырастая в тонкую, двуногую фигуру. У неё не было лица, только зияющая пустота, в которой клубились обрывки чужих мыслей. Она тянулась к торговцу, который ничего не видел, только вдруг поёжился.

«Холодно...» – пробормотал он, поёрзав, даже не подозревая, что к его груди тянется чёрная, как деготь, лапа.

Для остальных это был просто неожиданный порыв ветра. Для неё – крик.

– Бабушка, – выдохнула Лэя, даже не думая.

Марианна уже почувствовала. Она резко повернулась. Её глаза стали резкими, как лезвия.

– Вправо, – коротко скомандовала она.

Они почти одновременно шагнули в сторону, прикрываясь телами от прямой видимости.

Но тень уже дотянулась. Пальцы-щупальца коснулись груди торговца.

По нитям Кантуса к Лэе хлынул поток – не образов, а ощущений: липкий страх, внезапная, парализующая усталость, чей-то забытый детский смех, горечь недосказанных слов. Тварь уже начинала поедать его – изнутри, начиная с самых тёплых воспоминаний.

Нет.

Она не думала. Зерцало ответило раньше, чем разум.

Мир вокруг сжался в узкий коридор, в конце которого была только она и тварь.

Лэя шагнула вперёд. Её ладони вспыхнули серебром. Она не вызывала щит – наоборот, открыла себя.

Тень, почуяв источник силы, тут же метнулась к ней. На долю секунды ей показалось, что холод коснулся самой души. А потом Кантус вокруг взорвался.

Не внаружу – внутрь.

Существо, привыкшее тянуть, вдруг столкнулось с тем, что само было втянуто. Все его щупальца, его жадность, его рваные, чёрные нити ринулись к ней, как вода в воронку. Это был один из тех моментов, когда она чувствовала себя не человеком, а бездной.

Она *отразила* не атаку. Она отразила саму *суть* этой твари.

На долю удара сердца через неё прошёл чужой голод, чужой холод. Зерцало вспыхнуло – и выплеснуло это обратно, но уже не наружу, а... в пустоту. Как если бы она повернула зеркало к чёрной дыре.

Тень дрогнула. Почернела. И просто... рассыпалась дымом, не оставив ни следа.

Всё заняло меньше секунды.

Торговец пошатнулся, схватившись за сердце.

– Эх... – пробормотал он, моргая. – Голова... закружилась. Возраст, что ли...

Никто, казалось, ничего и не заметил.

Кроме Канторов.

Первый удар кантусового колокольчика – тихий, но отчётливый – донёлся из переулка. Затем – второй. Над площадью, словно из ниоткуда, возникла полупрозрачная, едва заметная сеть – Купол Замятия. Лёгкая, как дым, но плотная для определённого вида Кантуса.

– Чёрт, – прошептала Марианна. – Быстро они...

Из ближайшего закоулка вышли трое. На них были тёмные плащи поверх нейтральной одежды – без символов Ордена, но с теми самыми незаметными швами, которые она уже знала. Перекрывающие руны на ладонях. Лёгкие, но надёжные сапоги. Заклинатели и Ткач – типичная патрульная тройка форпоста.

Старшая – женщина с короткими, седеющими волосами и спокойным, уставшим лицом – бросила на Лёю короткий взгляд. Узнала. В её глазах мелькнуло что-то вроде: «Конечно». Но вслух она сказала другое:

– Всем спокойно. Небольшой скачок Кантуса. Солнце в зените, воздух горячий – бывает, – её голос был мягким для тех, кто ничего не понимал.

Для тех, кто понимал – в нём был стальной приказ.

Двое других уже незаметными жестами разворачивали нити Купола. Он ложился на площадь мягкой, чуть мерцающей в Зерцале пеленой.

– Сейчас станет легче, – один из них улыбнулся торговцу, которого только что едва не съели. – Голова кружится? Бывает. Дышите глубже.

Лэя видела, как серебристые нити, тянущиеся от глаз, ушей, висков людей, попадают в эту пелену и мягко скручиваются, изменяют узор. Последние несколько секунд их жизни – те, где тень поднялась, где холод коснулся – аккуратно вытягивались, как нитка из ткани, и... растворялись.

Торговец моргнул.

– Да... что-то вроде... – пробормотал он. – Присяду.

И присел, уже не вспоминая, что именно произошло.

– Ты в порядке? – негромко спросила старшая у Лэи, уже привычным, профессиональным тоном. – Резонанс не задел?

– Всё нормально, – Лэя сглотнула. – Я... отразила.

– Видела, – коротко кивнула женщина. В её голосе промелькнула искра уважения. – В отчёт напишу «локальная нестабильность Кантуса, жертвы нет». Ты с нами не пересекалась.

– Но...

– Так надо, девочка, – она задержала на ней взгляд. – Есть вещи, о которых лучше не помнить. Для них, – она мотнула подбородком на торговцев, детей, бабушку, обсуждающих овощи, – память о тьме – просто трещина. Через трещины Разлом любит лазить.

Она развернулась, давая знак двоим.

Лэя осталась стоять посреди площади, слушая, как Купол тихо шуршит, сворачиваясь. Как нити людей возвращаются в прежний, ровный ритм.

И только её собственные нити кипели.

Стирание памяти она уже видела. В Готерне, на тренировках, когда Маэстро Валерия и Ткачи демонстрировали приёмы. Тогда это казалось... логичным. Инструментом. Мерой безопасности.

Сейчас, среди прилавков с рыбой и мёдом, когда у торговца дрожали пальцы, а девчонка у соседнего лотка пыталась вспомнить, почему ей вдруг стало так грустно, – это выглядело иначе.

Как кража. Тихая, аккуратная. Во имя блага. Во имя безопасности.

Но всё равно – кража.

– Пошли, – Марианна стояла рядом, незаметно заслоняя внучку от лишних взглядов. – Тут нам больше делать нечего.

Вечером дом пах жареной рыбой, травами и дождём. Над городом прошёл короткий ливень, и теперь капли всё ещё скатывались с крыши, тихо шлёпаясь о землю.

Они ужинали молча. Ложки звенели о глиняные миски. За окном шумели деревья.

– Ты сегодня хорошо держалась, – первой нарушила тишину бабушка. – На рынке.

– Ты знала, что они придут так быстро? – спросила Лэя, отодвигая тарелку. Аппетит ушёл ещё на площади.

– Форпост тут уже десять лет, – вздохнула Марианна. – После того прорыва на южных болотах. Они не афишируются, но следят. Особенно летом. Разлом любит тёплый воздух.

Она помолчала, потом добавила:

– Ты всё ещё шевелишься, когда проходит Купол. Это... видно.

Лэя вскинула глаза.

– Купол меня не касается, – тихо сказала она. – Я вижу, что они делают. Как нити... вытягивают.

– И что? – бабушка спокойно выдержала её взгляд.

– Это... неправильно, – вырвалось у Лэи, и слова полились сами. – Я понимаю, что иначе люди будут сходить с ума. Что паника хуже. Но... это ведь их жизнь. Их страх. Их опыт. Они имеют право *помнить*, что мир не безопасен. А мы... мы просто забираем это. Потому что нам так удобнее.

Марианна медленно положила ложку.

– А когда маленькая девочка перестанет выходить из дома, потому что увидела, как у её отца на глазах тварь сожрала соседа? – спокойно спросила она. – Она тоже имеет право? Или, когда половина города набьёт рюкзаки и побежит к горам, ломая себе ноги по дороге?

– Но...

– Разлом – как море, – перебила бабушка. – Оно *есть*. Оно опасно. Но если каждый рыбак будет всё время помнить, как его сосед утонул, он никогда не выйдет в море. И город умрёт с голоду.

Она устало вздохнула, морщины на лице углубились.

– Память – это тоже оружие. И иногда – слишком тяжёлое. Мы не стираем им *всё*. Просто убираем острие, чтобы они могли дальше жить. Не верить в сказку – но и не сходить с ума.

Лэя сжала пальцы в кулак.

– А нас кто защитит от такой памяти? – спросила она едва слышно. – Нас, кто *помнит* всё.

Марианна долго молчала. Потом поднялась, обошла стол и села рядом. Её сухая ладонь легла внучке на волосы, как в то утро, когда ей исполнилось пятнадцать.

– Никто, – честно сказала она. – Мы – те, кто помнит за всех. Это наша плата за силу. И за то, что можем увидеть тьму раньше других.

Она погладила Лэю по голове, неожиданно мягко.

– Расскажи мне, – тихо попросила. – Всё, что можешь. Про этот год. Про Готерн. Про ваших... Осколков.

И Лэя рассказала.

Не всё. Не о Голосе, что шепчет из подземелий. Не о Мариан Фрокс, запечатанной под Замком. Не о том, как свет выжигал ей душу на болотах. Но многое.

Про первый день в Готерне, про комнату-камеру с сырой стеной, по которой стекал конденсат. Про маэстро Валерию и её «Клетку». Про первую драку на плацу и насмешки Клода. Про то, как Злата с песенкой в голове влетела в её жизнь, как Ричард с блокнотом в руках стал её якорем в мире знаний, как Боб принёс ей горячий шоколад в холодном зале.

Про Игольчатый лес и медведя. Про локцера Грань, которая выбрала её, а потом её забрали. Про первую миссию в деревне-призраке и ренегата, который хотел спасти всех, а в итоге убил.

Про ночь, когда мальчишка по имени Максим умер у Разлома, а кровь была слишком красной. И про то, как Клод стоял ночью у окна, глядя в темноту, и признавался, что тоже ломается.

Слова иногда застревали, голос дрожал, но Марианна не перебивала. Она слушала. Только иногда её пальцы сильнее сжимались на ткани платья, когда внучка доходила до особенно болезненных мест.

Когда Лэя закончила, за окном уже полностью стемнело. В доме горела только одна лампа.

– Ты уже не можешь вернуться в обычную жизнь, да? – тихо спросила бабушка, не глядя на неё, а куда-то в угол, где когда-то стояла колыбель Лилианы.

Лэя помолчала.

Потом выпрямилась.

– Нет, – ответила она. – Не могу.

Она подумала о Тине и Мирке на перекрёстке. О том, как чужим показался ей их смех. О том, как легко она теперь видела трещины в мире, в котором они жили, ни о чём не подозревая.

– Но и... не хочу, – добавила она, и в голосе прозвучал стальной оттенок. – Там... в Замке... я нужна. Я важна.

Я – не просто внучка Марианны, не просто девочка из Сребрянска. Я – Кантор. Зерцало. *Осколок*. Если я буду сидеть здесь и печь пироги, кто-то там... умрёт. Потому что меня не было рядом.

Слова прозвучали дерзко. Громко. Но это была правда, которую она наконец позволила себе признать.

Марианна медленно кивнула.

Долго смотрела на неё – на тонкую шею, на плечи, которые уже начали привычно держать невидимый груз. На глаза, в которых теперь было слишком много всего для пятнадцати лет.

Потом снова коснулась её волос, как много лет назад, когда маленькая Лэя просыпалась от кошмаров и верила, что бабушка может прогнать всех монстров.

– Просто обещай, – прошептала Марианна, и голос её дрогнул, – что будешь беречь себя. Насколько это возможно. Насколько... позволит твой мир.

Лэя закрыла глаза и кивнула, прижимаясь щекой к шершавой, пахнущей травами ладони.

– Обещаю.

Где-то далеко, за морем и горами, ждал Готерн. Ждали каменные стены, пропитанные Кантусом, тяжесть тренировок, холод «Клетки», голоса друзей и взгляд, который грел сильнее любого костра.

Здесь был дом, который больше не мог её удержать. Там – дом, к которому она уже принадлежала.

Лето между мирами подходило к концу.

И в этот тихий, тёмный вечер Лэя окончательно поняла и приняла:

она – Кантор.

Глава 2. Воссоединение Осколков

Корабль, идущий к Готерну, пах морской солью, смолой и железом.

Лэя стояла у борта, вглядываясь в туманную линию берега. Там, за серыми волнистыми силуэтами скал, прятался Замок. Мир, который ещё год назад казался страшной тюрьмой, а теперь – домом.

Ветер бил в лицо, рассыпая волосы. Кантус вокруг гудел глухо, как далёкий хор: море, мачты, натянутые канаты, усталые, но уверенные в себе моряки. Всё это сплеталось в плотную, привычную ткань.

Её Зерцало дрожало лёгким откликом, как собака, чувшая знакомую дорогу.

– Ты уже третий раз за час выглядываешь, – раздался за спиной голос капитана. – Гора на месте, Замок никуда не делся.

Лэя обернулась и уважительно кивнула. Капитан – щёголь в старом, но ухоженном сюртуке, с вплетёнными в бороду бусинами – был из тех, кто знал больше, чем говорил.

– А ворчащий капитан тоже на месте? – не удержалась она.

Он фыркнул, но в глазах мелькнула улыбка.

– Держись крепче, Кантор, – сказал он, уже отворачиваясь. – Через час начнём заходить в бухту. И... – он чуть замялся, – передай там, наверху, что дорога пока чиста. Ни всплесков, ни шорохов. Разлом дремлет.

– Я передам, – серьёзно кивнула она.

Капитан ушёл, оставив её одну с ветром и мыслями.

Сребрянск остался позади. Тина и Мирка – с их платьями и мальчишками. Бабушка – с её тёплыми ладонями и тяжёлой, честной правдой. Теперь впереди был камень, сталь, кровь и Кантус. И...

Он.

Сердце предательски ускорилось. Ещё утром, когда она поднималась по трапу, она поймала себя на мысли, что считает не дни, даже не часы – удары сердца до момента, когда увидит его.

Ещё немного.

Готерн встретил её холодом и туманом.

Корабль вошёл в бухту под тихий звон дальних колоколов. Тонкий, серебристый туман клубился над водой, цепляясь за скалы. Сами скалы, чёрные, как застывшая ночь, поднимались вверх, где над всем этим громоздилось тело Замка.

Зерцало отзывалось бурей. В стенах Готерна Кантус был плотным, как камень. Тысячи узлов, рун, печатей, заклинаний. Живой организм, который вздыхал, шептал, смотрел.

Лэя стояла у трапа, держа в руке небольшой дорожный мешок. На плече – привычный вес ножен с Гранью; рукоять под ладонью была как обещание.

– Канторы! – крикнул кто-то с пристани. – Выходить по одному, документы при себе!

Остальные пассажиры – торговцы, курьеры, пара чиновников – засуетились. Лэя шагнула вперёд, чувствуя, как снизу тянет влажным камнем.

Она уже хотела спуститься, когда почувствовала – *его*.

Не увидела. Не услышала. Почувствовала.

Как если бы всё вокруг на миг стало чётче, резче. Как будто кто-то подтянул струны мира – и они зазвучали в знакомую мелодию. В её Зерцало врезалась тугая, ровная нить Кантуса. Сдержанная, строгая, с резкими узлами – и тёплым, спрятанным глубоко в сердцевине теплом.

Она подняла голову.

У ворот Замка, высоко на каменной площадке, среди людей в плащах и доспехах, которых она почти не различала на этом расстоянии, стоял он.

Клод.

Он был в чёрной форме Кантора, с застёгнутым до подбородка воротом, с мечом на поясе. Волосы стали чуть короче, чем в конце года, щеки – чуть резче. Он казался взрослее. Строже. Но к чёрту всё это – главное, что он *был*.

И он ждал.

Не просто стоял, как старший, которому поручили «контролировать поток прибывающих». Он стоял у самой кромки, чуть наклонившись вперёд, словно боялся прозевать момент, когда она появится на трапе.

И когда увидел её – Лэю, в сером дорожном плаще, с мешком за плечом – мир, казалось, немного сдвинулся.

На его лице появилась улыбка.

Редкая, настоящая. Такая, от которой у неё перехватило дыхание.

По правилам, прибывающие Канторы должны были пройти через ворота, предъявить печати, расписаться в книге. Почтительно кивнуть тем, кто выше по статусу. Встать в очередь. Не мешать.

Они нарушили почти всё сразу.

Как только она прошла контроль у пристани и начала подниматься по крутой лестнице, ведущей к главным воротам, Клод с места сдвинулся. Рядом с ним кто-то что-то сказал – он не ответил. Слишком быстро. Слишком уверенно.

На середине лестницы они встретились.

Несколько секунд они просто смотрели друг на друга. Как будто проверяли: не иллюзия ли. Не сон. Под ногами шуршали камни, вокруг проходили люди, кто-то бурчал, что нельзя загораживать проход. Всё это было фоном, неважным шумом.

– Ты... – начал Клод.

– Я, – выдохнула Лэя.

Он заметил, как у неё дрожат пальцы, сжимающие ремень мешка. Как волосы выбились из-под капюшона. Как под дорожной пылью на лице проступили родные веснушки.

Он не стал спорить с собой.

Шагнул вперёд, одним движением стаскивая у неё с плеча мешок, который глухо стукнулся о ступень. Его рука легла ей на щеку, пальцы тёплые, немного шероховатые от тренировок с мечом.

– Два месяца, – хрипло сказал он, будто эти слова царапали горло. – Два месяца – это вечность.

Она не ответила словами. Просто потянулась к нему – и мир сузился до этого движения. Их объятие получилось неуклюжим и отчаянным.

Она врезалась в его грудь, вдохнув запах железа, кожи и чего-то еле уловимо родного – тепла, которое ни с чем не спутаешь. Его руки сомкнулись вокруг неё, крепко, почти болезненно, как будто он боялся, что если ослабит хватку – она снова исчезнет.

Где-то позади кто-то тихо присвистнул. Кто-то ухмыльнулся. Кто-то отвернулся, делая вид, что ничего не заметил. Правила приличия, недопустимость «сентиментальностей» на виду... Всё это разлетелось, как пыль.

Они отстранились лишь на секунду, чтобы вдохнуть – и тут же снова потянулись друг к другу.

Поцелуй был неожиданно мягким, несмотря на оголённые нервы. Не первый – но первый по-настоящему *не стыдящийся себя*. Без укрادкой оглядываний по сторонам, без полутонов.

В нём было слишком много – двух месяцев тоски, несказанных слов из писем, ночей, когда она засыпала, держа в руках его конверт, а он – глядя на её имя в графе «состав отряда».

Кантус вокруг вспыхнул.

Её Зерцало откликнулось, растекаясь серебряными нитями к нему. Его Кантус – ровный, натренированный, сдержанный – дрогнул, как натянутая струна, вдруг сорвавшаяся с привычного мотива. На миг она увидела, как их нити переплетаются, как в их касании рождается новый узел.

Мир существовал. Готерн стоял. Над воротами шевелился знамённый штандарт. Но всё это было где-то очень далеко.

– Больше не будем так долго разлучаться, – прошептала она, когда им всё-таки пришлось оторваться друг от друга, чтобы вдохнуть воздух.

Его лоб упёрся в её лоб. В глазах – та же решимость, что перед боем. И что-то ещё.

– Не будем, – твёрдо сказал он. – Обещаю.

Сбоку раздался преувеличенно громкий, знакомый вздох:

– Ну вот! Все самые интересные сцены – без меня!

– ЛЭЯ!!! —

Злата влетела в них, как комета.

Если бы не реакция Клода, который успел отступить на шаг и подхватить обоих, они бы все трое дружно покатались по лестнице вниз.

– Ты вернулась!!! – орала Злата, болтая ногами в воздухе, потому что каким-то образом повисла у Лэи на шее. – Я думала, я УМРУ!!! Здесь было скучно, как в пустой келье, Ричард всё время читал, Боб всё время кормил, а Клод всё время БРЮЗЖАЛ!!!

– Ты сама брюзжала, – автоматически отозвался Клод, но в голосе у него звучал смех.

– Это оборонительный механизм, – отмахнулась Злата, наконец спрыгивая на ступеньку. – Ох ты, смотри на тебя! – она отступила на шаг, осматривая Лэю с ног до головы. – Почернела, повзрослела, Веснушка. И вон, *точно* целовалась. Щёки горят!

Лэя вспыхнула ещё сильнее.

– Злата...

– Что-о? – та изобразила невинность. – У нас тут, между прочим, старшие курсы. Мы теперь официально можем целоваться *не по расписанию*.

– Ты никогда и не умела по расписанию, – буркнул кто-то сверху.

– Ричард! – Злата подпрыгнула. – Иди сюда, книжный червь!

По лестнице, держа под мышкой увесистую стопку книг, спускался Ричард. Его волосы стали длиннее, он собрал их в низкий хвост. Очки, если так можно назвать зачарованные линзы, чуть поблёскивали.

Он увидел Лэю – и, к её удивлению, улыбнулся так, что уголки глаз мягко пошли морщинками.

– Рад, что ты цела, – сказал он сдержанно, но голос его был теплее, чем когда-либо. – Я уже мысленно переписывал формулы с учётом твоего... отсутствия. Рад, что этого не понадобится.

Она подскочила к нему и обняла. Неловко – как обнимают того, кто привык держаться на расстоянии. Ричард чуть замер, потом осторожно, будто боялся сломать что-то хрупкое, обнял её в ответ.

– Я тоже рада, – прошептала она. – И... спасибо за письма. Я всё прочитала. Даже сноски.

– Ты единственная, кто их читает, – сухо заметил он. – Это делает тебя бесценной.

– И обречённой, – хихикнула Злата. – Теперь он будет писать ЕЩЁ БОЛЬШЕ.

– А ты будешь читать их вслух, потому что тебе скучно, – невозмутимо парировал Ричард.

– Я так и делаю, – пожала плечами Злата.

– О-о-о, и вот наш главный повар! – раздался знакомый, тяжёлый топот.

Из тени ворот выступил Боб – ещё шире в плечах, чем в конце года. Его рубаха сидела потуже, на руках перекачивались мышцы. Зато глаза, как всегда, были добрыми и немного растерянными.

– Ляя, – сказал он просто, подходя ближе. – Можно?

– Если ты собираешься меня поджарить, то нет, – отозвалась она, но уже тянулась к нему.

Его объятие действительно было медвежьим. Он прижал её так крепко, что у неё хрустнули рёбра – но при этом она чувствовала себя как в самом надёжном панцире.

– Ты похудела, – констатировал он, отстраняясь. – Это плохо. Я это исправлю.

– Пожалуйста, не взрывая кухню, – вставил Клод.

– Это был *один* раз, – смутился Боб. – И то – из-за Златы.

– Я просто хотела карамель, – оскорбилась та.

Смех вспыхнул одновременно у всех.

Они стояли посреди лестницы – пятеро. Кто-то рассказывал, как его всё лето заставляли чинить крышу. Злата наперебой живописала подробности своей драмы с «тем самым парнем» из деревни, громко клянясь, что больше НИКОГДА не будет обращать внимание на ямочки на щеках. Боб перечислял блюда, которые научился готовить с местным поваром. Ричард, чинно поправляя книги, вставлял ремарки про новые трактаты, которые он достал из закрытого фонда.

Ляя слушала их – и чувствовала, как внутри расправляется что-то долго сжатое.

Где бы они ни были физически – на рынке Сребрянска, на палубе корабля, в тёмных подземельях под Замком – *дом* был здесь. В этих голосах, в смехе, в переплетении их Кантусов, которое она теперь видела слишком ясно.

Осколки снова были вместе.

И этот мир сразу стал... правильнее.

– Ладно, – наконец, прервал общий поток Клод, – если вы закончили устраивать базар на лестнице, нам всем надо отметить у маэстро. Распорядок никто не отменял.

– Смотри на него, – шепнула Злата Ляе, повисая у неё на локте. – Даже расслабиться не даёт. Настоящий капитан. Это он притворялся, что не скучал.

– Злата, – предостерегающе произнёс Клод, но в глазах у него мелькнула привычная искра.

– Что? – она невинно вскинула брови. – Я просто говорю правду.

– Пошли, правда, – тихо сказала Ляя.

Она поймала его взгляд. В нём было всё, чего не было в его голосе: облегчение, радость, благодарность. И та самая тёплая глубина, в которой можно утонуть и не пожалеть.

Она шагнула к нему – и первая протянула руку.

Он коснулся её пальцев – на миг, коротко, почти незаметно для чужого глаза. Но достаточно, чтобы ниточки их Кантусов пересеклись снова.

Потом они пошли в Замок – *вместе*.

Готерн внутри был почти таким же, как в первый день её появления. Те же высокие, мрачные коридоры. Те же факелы в нишах, сочащиеся мягким светом рун. Те же холодные сквозняки, в которых шептались голоса старых заклинаний.

Но многое изменилось.

На стенах появилось больше щитов и знамен с новыми знаками заслуг – следы последней кампании, о которой рассказывали шёпотом. В одном из внутренних дворов, мимо которого они проходили, шла тренировка: первогодки в новеньких, ещё в не стёртых плащах, сбивались в кучку при виде грозной маэстро с плетью Кантуса.

– О-о-о, посмотри на них! – Злата ткнула Ляе локтем в рёбра. – Такие маленькие!

– Это ты пока не видела, как они орут ночью, – заметил Боб. – Когда им снится первый раз Разлом.

Лэя поймала на себе взгляд одного из первогодков – худенького мальчишки с огромными глазами. В его нити уже вплелись первые узелки страха, любопытства, надежды. Она увидела в нём себя год назад – ту, что стояла в этом же дворе и думала, что умрёт от ужаса.

Теперь она шла через тот же двор – уже в другом плаще, с другим выражением лица, с отрядом за спиной.

Мы теперь старшие, вдруг осознала она. *На нас смотрят.*

И эта мысль оказалась не пугающей, а... правильной. Как будто мир встал на чуть более верное место.

В зале совета, где раньше их встречал сухой, как высохшая ветка, Командор Рудиус, теперь стояла другая фигура.

Маэстро Валерия.

Она всё так же носила чёрный, строгий камзол, волосы стянула в жёсткий узел на затылке. На лице – знакомое выражение спокойного презрения ко всему миру. Однако на её груди теперь поблёскивал новый знак – серебряный круг с вписанной в него трещиной: символ командора Готерна.

Около неё, чуть позади, стоял Гектор, с насмешливой складкой у губ, но с заметной тенью усталости в глазах. Несколько других маэстро, Ткачей, офицеров.

– Осколки, – произнесла Валерия, окидывая их взглядом. – В полном составе.

Её взгляд задержался на Лэе. На миг в нём вспыхнуло что-то – облегчение? гордость? – но тут же погасло под привычной маской.

– Раз вы все здесь, – сказала она, – значит, можно считать второй год обучения открытым.

По залу пробежал лёгкий шорох.

– Прежде чем вы начнёте строить иллюзии, – продолжила Валерия ледяным тоном, – хочу предупредить: второй год – не первый. Прогулки в Игольчатый лес, учебные миссии в окрестных деревнях, демонстрационные прорывы – всё это закончилось.

Она шагнула вперёд, и Кантус вокруг её фигуры чуть дрогнул, подчёркивая каждое слово.

– С этого года вы – не просто ученики. Вы – резерв. Вас будут бросать туда, куда не успеют дойти старшие группы. В «горячие точки», где Разлом шевелится чаще, чем мы успеваем его латать. Одни – вы не пойдёте, – она скользнула взглядом по Лэе, задержав его на Грань за её плечом, – но иллюзий не будет. Это *настоящие* миссии. Настоящие угрозы. Настоящие смерти.

Злата перестала улыбаться. Боб чуть сильнее сжал кулаки. Ричард поправил книги так, словно прижимал к себе щит.

– Ваша задача – учиться так, чтобы выжить, – тихо добавила Валерия. – И сделать так, чтобы выжил кто-то ещё.

Она улыбнулась. Тонко. Жёстко.

– И ещё. – Взгляд командира скользнул по залу, задерживаясь на лицах старшикурсников, инструкторов, стражей.

– Если кто-то ещё не в курсе: прежний командор Готерна, Рудиус, погиб при ликвидации «прорыва болота» месяц назад. Совет счёл уместным назначить меня на его место.

Шорох по залу усилился.

– Это значит, – продолжила она, – что отныне я буду решать, куда и когда пойдёт ваш отряд. И, – в голосе её мелькнул ледяной намёк, – у меня к вам особые планы.

Лэя почувствовала, как в воздухе снова дрогнул Кантус. Что-то невидимое, как ниточка, протянулось от Валерии к ним. Не угроза. Скорее – ожидание.

– Подробности – позже, – отрезала она. – Сейчас – расселение. Расписания получите у своих кураторов. Старшие группы, – её взгляд впился в Осколков, – задержитесь.

Когда зал начал пустеть, а первогодки, переговариваясь вполголоса, потянулись к выходу, Клод тихо наклонился к Лэе:

– Говорил же, – пробормотал он. – Нам не дадут скучать.

– А мы и не для скуки сюда пришли, – ответила она.

И в этот момент она поняла, как сильно изменилась за год. Раньше такие слова вырвали бы ей сердце страхом. Теперь – только сжали его... и отпустили.

После короткого, насыщенного инструкциями и намёками разговора с Валерией и Гектором – половину которого Злата прокомментировала шёпотом, рискуя получить выговор, – Осколки наконец оказались свободны.

На какое-то время.

Они разошлись по своим комнатам, таща баулы, книги, котелки, зачарованные мелочи, сувениры из городов, где провели лето. Коридоры гудели голосами, скрипели двери.

– Видимся вечером в зале, – крикнул Боб, исчезая за углом. – Я договорюсь насчёт ужина!

– И я договорюсь насчёт... – начала Злата.

– Нет, – хором ответили Клод, Ричард и Лэя.

– Вы даже не знаете, о чём я! – возмутилась она.

– И не хотим, – сухо отозвался Ричард.

– А я хочу, – задумчиво сказал кто-то из старших, проходя мимо. Злата послала ему лучезарную улыбку.

– Не смей, – коротко бросил Клод, глядя на того маэстро так, что тот предпочёл ускорить шаг.

Коридор опустел.

Остались только они двое.

Комната Клода почти не изменилась. Такая же строгая: кровать, стол, шкаф, стенд для меча. Никаких лишних вещей. Только на столе теперь лежала стопка аккуратно сложенных писем, перевязанных бечёвкой. Таких же, как те, что хранила у себя Лэя.

Он запер дверь, проверил руной замок – движение, доведённое до автоматизма, – и на секунду замер, повернувшись к ней.

Тишина, повисшая в комнате, была иной, чем та, что стояла в коридорах. В ней не было холода камня, только их общее дыхание и глухой гул Кантуса в стенах.

– Странно, – сказал он негромко. – Я столько раз представлял этот момент. Думал, что скажу тысячу слов...

Он слегка пожал плечами.

– А теперь не нужно ни одно?

– Почти, – он сделал шаг вперёд. – Одно нужно.

Он остановился прямо перед ней. Не касаясь – ещё нет. Взгляд в упор, без привычной маски сдержанности.

– Останься со мной сегодня, – произнёс он спокойно.

В сердце что-то перевернулось. Вопрос был не в ночи. Вопрос был в самом приглашении: открытом, ровном, без тени стыда или «если ты не против».

Он не прятал, что *хочет* её рядом.

– Я и не собиралась уходить, – ответила она, и удивилась тому, как уверенно прозвучал её голос.

Они сблизились почти одновременно.

На этот раз не было поспешности. Ни того отчаянного, «вдруг завтра мы умрём», что обычно висело в воздухе. Время больше не давило на них, как нож к горлу. Наоборот, казалось, что его стало... чуть больше.

Поцелуй был глубоким, неторопливым. Они знали друг друга лучше. Знали, где остановиться, где, наоборот, прижать сильнее. Руки сами находили привычные линии: его ладони – её талию, линию позвоночника под ткань рубахи; её пальцы – рубцы на его плечах, знакомые уже почти наизусть.

Кантус между ними не бушевал. Он тек, как река, уверенно, ядром, обволакивая обоих.

Когда они оказались на кровати – раздевались не спеша, с тихим смехом и шёпотом, с касаниями, которые были и признанием, и согласием. Каждый шрам, каждая царапина были не просто отметинами – историями, которые они уже знали или ещё узнают.

Близость стала пиком доверия.

Горячей – *уверенной*. Без оглядок, без внутреннего «можно ли». Они не крали друг друга у мира, не брали взаймы у судьбы. Они *делали выбор*.

Потом, когда дыхание выровнялось, когда Кантус вокруг лёг мягкой, тёплой волной, они лежали, прижавшись друг к другу.

Она устроилась боком, положив голову ему на плечо. Его рука обнимала её за талию, пальцы лениво рисовали круги на коже. За окном глухо шумел ночной ветер. В камне стен, глубоко внизу, шевелились тяжёлые, древние печати. Готерн слушал – и молчал.

– Я думал о будущем, – первым нарушил тишину Клод.

Его голос звучал глуховато, отдаваясь в груди.

– О каком именно? – пробормотала Лэя, вдыхая его запах. – У нас тут их... много. Завтра. Через год. Через десять лет. Через сто.

– О том, что будет после, – уточнил он. – После Замка. После службы. После... – он чуть замялся, – всего этого.

Она приподняла голову, заглядывая ему в лицо. В его глазах не было мечтательной дымки. Только привычная сосредоточенность. Как будто он просчитывал очередную тактическую схему.

– «После чего» – это смелое слово, – сказала она. – Маэстро Валерия, наверное, сказала бы, что думать об этом – роскошь.

– Маэстро Валерия не обязана жить с моей головой, – тихо отозвался он. – Я... знаю вероятность. Что нас может не быть через месяц. Или через день.

Он провёл пальцами по её щеке.

– Но если я не буду хотя бы иногда думать, что *мы всё-таки доживём*, то каждый бой будет последним уже до того, как начнётся.

Лэя молчала, слушая.

– Я думал о том, – продолжил он, – как это может выглядеть. После. Мы же не будем вечно бегать по болотам и подземельям. В какой-то момент нас спишут, заменят свежими. Или – если повезёт – дадут что-то вроде спокойной службы. Форпост. Школу.

Он усмехнулся краем губ.

– Я плохо представляю себя преподавателем, но... —

Его взгляд стал мягче.

– Когда-нибудь... может быть... мы могли бы быть... не просто бойцами одного отряда. Не просто... теми, кто делит кровать в перерывах между боями.

Слова давались ему с трудом, не от смущения – от ответственности.

– А кем? – прошептала она, прижимаясь к нему ближе.

– Теми, кто делит *жизнь*, – ответил он.

Повисла тишина, в которой звенели его слова.

Он чуть отвернул взгляд, будто это помогло бы легче произнести то, что он носил в себе всё лето.

– Знаю, сейчас это звучит... странно, – продолжил он. – Мы даже второй год не начали. Завтра нам объявят список миссий, и, возможно, половина из них будет самоубийственными. Разлом не даёт гарантий.

Он снова посмотрел на неё.

– Но мысли о том, что *где-то там*, дальше всех этих боёв, есть место, где мы просто... живём. Вместе. Может, у моря. Или возле маленького форпоста. С кухней, где ты будешь спорить с Бобом за котёл. С библиотекой, где Ричард будет ворчать, что мы ему мешаем. С огнём в очаге, где Злата будет танцевать, пока ей не скажут «хватит». – Он чуть улыбнулся. – И с комнатой, где я буду знать, что *ты* – здесь. Каждый вечер. Каждое утро. Не «если выживем», а *просто*. Это... держало меня.

Глаза неожиданно защипало.

Она опустила голову ему на грудь, слушая мерный стук его сердца. Его Кантус – ровный, тёплый, надёжный – обволакивал её, как щит.

– Ты хочешь... – начала она и не договорила.

Он помог:

– Я хочу *жить* с тобой. Не как «капитан и боец». Просто – как... Клод и Лэя.

Он помолчал.

– Не сейчас. Не завтра. Когда – сможем быть. Если – сможем. Я не прошу обещаний. И не даю. Я просто... хочу, чтобы ты знала: *я это вижу*.

В Долине, в Сребрянске, в разговорах с бабушкой она уже думала о будущем. Но тогда оно было туманным, безликим. Сейчас перед ней вырисовывались конкретные картинки: дом у моря, форпост в горах, библиотека с окнами на склон. И везде – их двое. И Осколки, заходящие в гости, шумные, живые.

– Мне бы этого хотелось, – тихо сказала она.

Он задержал дыхание.

– Правда?

– Правда, – она подняла голову, и в её глазах было то же упрямое сияние, что в день, когда она впервые встала против него на плацу. – Я не знаю, сколько у нас времени. Но если оно *будет*... я хочу его с тобой. Не в коридорах Готерна. Не в «Клетке». А там, где мы сами выбираем, когда вставать и куда идти.

Она провела пальцами по шраму у него на ключице – тому самому, который он получил ещё до их встречи.

– И мне нравится думать, что у меня есть что-то... *после*. Что я – не только Зерцало. Не только оружие. А ещё... девочка из Сребрянска, которая может когда-нибудь...

Она осеклась, покраснев.

– ...жарить пироги, – подсказал он, с лукавой тенью в голосе.

– И это тоже, – фыркнула она, стукнув его кулаком в плечо. – Хотя, судя по отзывам Боба, я ещё не доросла до твоих супов.

– Будем тренироваться вместе, – серьёзно сказал он.

Они рассмеялись. Смех был тихим, но в нём было столько света, что на миг показалось – стены Замка стали чуть теплее.

Лэя снова прижалась к нему, спрятав лицо у него на шее.

– Только давай начнём с того, что переживём этот год, – шепнула она. – А потом – ещё один. А там, глядишь, и придётся выбирать, где ставить ту самую кухню.

– Договорились, – ответил он.

Они лежали в тишине, слушая, как за окном Готерн вдыхает и выдыхает, готовясь к новому году. В глубине камня, далеко под ними, шевелились Разлом и древние печати. Но здесь, в этой маленькой комнате, была своя, отдельная точка мира.

Там, где *Осколки* снова были вместе. Где любовь перестала быть тайной. Где будущее, каким бы хрупким оно ни было, вдруг показалось *возможным*.

И пока ночь опускалась на Замок, два сердца били в унисон, сплетась в общий ритм.

Глава 3. Новые тени

Первый звон второго года прозвучал иначе.

Не громче, не тише – просто *иначе*. В этом звуке не было той панической новизны, что в первый раз, когда он вытолкнул их на плац, в холод, в чужой мир. Теперь он был как отсечка на шкале: *выжили, идём дальше*.

Лэя поднималась по лестнице к аудиториям вместе с остальными второгодками и несколькими третьекурсниками. Камень под ногами был знакомым до мельчайшей трещины – ей даже казалось, что она умеет идти по этим ступеням с закрытыми глазами. Но внутри всё равно что-то сжималось.

Второй год.

Не просто «продолжение обучения». Переход. Точка, от которой начинаются настоящие миссии.

Кантус Замка сегодня гудел чуть громче обычного. Или это ей казалось.

– Первая лекция, – проворчал за спиной кто-то из их потока. – Опять дадут список того, чего нельзя делать.

– Тогда ты умрёшь от шока, – вполголоса ответил кто-то другой. – Потому что теперь *нельзя* всё.

Злата, шедшая рядом с Лэей, подмигнула:

– Держись. Если совсем станет скучно – я что-нибудь подожгу.

– Пожалуйста, не в аудитории по теориям, – устало заметил Ричард, идущий с другой стороны. – Там слишком много горючей информации.

– Мы проверим, что горит лучше: знания или парты, – мечтательно произнесла Злата.

– Я вас *обоих* сдам маэстро Елене, – мрачно сказал Клод, идущий чуть впереди. – Она устроит вам индивидуальный курс «этика и выживание».

– Уже боюсь, – театрально вздохнула Злата.

Шутки немного снимали напряжение. Но только немного.

Аудитория была полна.

Каменный амфитеатр с резными рядами, уходящими вверх, был знакомым – здесь они уже слушали лекции по природе Кантуса, структуре Разлома, типологии тварей. Но сегодня в воздухе висело другое – уже не любопытство новичков, а более тяжёлое, вязкое ожидание.

На стене, вместо обычной парящей сферы, висела вытянутая, узкая конусообразная конструкция из металла и кристалла – усилитель визуальных проекций. На гладкой плоскости над кафедрой пока не было ничего.

Студенты рассаживались, перешёптываясь. Несколько первогодков, ошибочно забредших на «старший» курс, были быстро выдворены грозным жестом дежурного маэстро.

Осколки заняли свои места в среднем ряду. Лэя села между Клодом и Ричардом, чувствуя тепло их плеч с двух сторон. Внизу, на уровне кафедры, зазвенели двери.

Вошёл преподаватель.

Маэстро Мергул.

Он казался человеком, сложенным из трёх углов и одного хруста. Высокий, нескладный, с узким лицом и глубокими морщинами вокруг глаз. Его волосы были полностью седыми, собранными в короткий хвост. На нём была тёмно-серая мантия Заклинателя с узкими серебряными полосами – знак того, что он уже давно перешёл за рамки обычного боевого маэстро.

– Садимся, – его голос был неожиданно низким и глухим, как рокот далёкой лавины.

Шорох стих.

– Вы здесь, – он медленно обвёл взглядом ряды, – потому что вы не умерли в первый год.

Кто-то неловко фыркнул. Маэстро даже не посмотрел, кто именно.

– Это не шутка. Первый год – сито. Оно грубое, жёсткое. Но то, что проходит через него, – ещё не сталь. В худшем случае – мягкая бронза. Во втором году мы начинаем закаливать вас. И если вы сломаетесь... – он пожал плечами, – значит, вы не должны были здесь быть.

Он поднял руку. Кристалл у него на запястье вспыхнул.

Над кафедрой всплыла первая проекция.

Фигура человека. Мужчина средних лет, в простой одежде, с ничем не примечательным лицом. Он улыбался – обычной, приветливой улыбкой торговца или соседа.

– Кто это? – спросил Мергул.

Несколько голосов откликнулись:

– Человек.

– Обычный.

– Селянин.

– Неправильно, – сухо отозвался маэстро.

Он щёлкнул пальцами. Проекция дрогнула – и изменилась.

Те же очертания. Та же поза. Но лицо исчезло. Вместо него – гладкая, серая маска. Без глаз, без рта. Только смазанные, расплывающиеся в стороны пятна. В месте груди – тёмное, пульсирующее пятно, как грязное пятно на ткани. Вдоль рук – тонкие, почти невидимые шипы.

– Это, – сказал маэстро, – Близнец.

Шорох прошёл по рядам. Кто-то тихо выругался. Кто-то, наоборот, придвинулся ближе.

– Близнецы – мимики. Существа Разлома, специализирующиеся на копировании людей, – продолжил Мергул. – Они не такие эффектные, как Пожиратели, не такие заметные, как Разломные Звери. Но если Пожирателя вы увидите и, возможно, погибнете в честном бою, то от Близнеца вы даже не поймёте, *когда* именно умерли. Потому что до последнего будете уверены, что говорите с другом. Или наставником. Или... – его глаза на мгновение смерили зал, – с собственным командиром.

Он снова щёлкнул пальцами, и проекция разделилась на две. Оба – одинаковые. Два мужчины, два лица. Различий – никаких.

– Их появление почти всегда – признак вмешательства *разумного* Разлома, – сказал он. – Они редко действуют в одиночку. Чаще – как клин, вбитый в структуру отряда, деревни, гарнизона. Их задача – не просто убивать. Они *разрушают доверие*.

Он на мгновение прикрыл глаза, словно что-то вспоминая.

– В отчётах вы могли встретить случаи, когда отряд погибал без единого видимого прорыва. Один за другим. Ночью, на привале, по одному человеку исчезало из строя... потом выяснялось, что один из них *уже* давно был мимиком.

Он открыл глаза.

– Вопрос: как отличить Близнеца от оригинала?

Несколько рук поднялось. Маэстро кивнул на высокого парня из третьего ряда.

– Они не чувствуют боли, – уверенно сказал тот. – Можно проверить.

– Если вы успеете, – кивнул Мергул. – И если вы готовы *доверить* человеку, с которым шли месяц, что он не ваш друг, а подделка. И ударить его. Вы готовы?

Руки опустились.

– Другие варианты?

– Близнецы хуже имитируют Кантус, – неуверенно предположил кто-то с первого ряда. – Можно проверить через чувствительных... эм... Канторов.

– Через *кого* конкретно? – уточнил маэстро.

Ответ повис в воздухе.

Он улыбнулся. Криво.

– Есть способ. Единственный... надёжный, – сказал он. – *Зерцало*.

Слово повисло в тишине, как падение камня в глубину.

– В обычном восприятии Близнец – идеальная копия, – продолжал Мергул. – Но для Зеркала... его нити не переплетены с окружающим миром так, как у живого человека. Они не имеют истории. Они не знают любви, не знают боли, не знают привычек. Они – пустой каркас, натянутый на чужую жизнь. В свете Зеркала их истинная природа всегда проявится.

Он сделал паузу. Затем, совершенно намеренно, поднял глаза в середину зала.

Прямо туда, где сидела Лэя.

За ним – полкласса.

Два десятка глаз – второгодков, третьекурсников – разом уткнулись в неё, как копыя.

– В нашей Академии, – отчётливо произнёс маэстро, – на данный момент одно действующее Зеркало. Поэтому в вопросах обнаружения Близнецов и иных маскировочных сущностей ответственность ложится...

Он даже не стал договаривать.

Смысл был ясен.

Лэя почувствовала, как под кожей холодеет.

Кантус вокруг дрогнул. Она *в буквальном* смысле почувствовала, как от десятков людей к ней одновременно потянулись тонкие нити внимания. Они были разными – любопытными, завистливыми, опасливыми. Некоторые – тёплыми, как от Осколков. Другие – колючими, как от третьекурсников, которые уже видели слишком много.

Клод рядом чуть сдвинулся, его рука легла ей на предплечье. Незаметно, под столешницей. Утяжеляя и якоря.

– Я понимаю, – продолжал маэстро, всё ещё не отводя взгляда, – что подобная нагрузка непростая. Но мир не прост. И если у кого-то есть *дар* – у него же есть и *обязанность*.

Он отвёл глаза, проекция над кафедрой сменилась следующей – теперь на ней были схематичные рисунки: узлы, связи, метки, на которых он показывал, как именно Близнец встраивается в коллектив.

Но полкласса всё ещё ощущало её присутствие как чёткую точку в пространстве.

«Зеркало».

«Оно нас всех спасёт».

«Или утянет с собой».

Шёпоты Кантуса были разными.

Лэя сглотнула.

Она *знала* это. Знала с момента, когда Архикантор Северин сказал: «Разлом заметил тебя». Знала, когда Валерия смотрела на неё слишком долго. Знала, когда в отчётах о заданиях рядом с её именем писали: «высокий приоритет».

Но одно дело – знать. Другое – когда это произносят вслух, и полсотни пар глаз принимают это как факт.

– Дыши, – прошептал Клод, еле шевеля губами.

Она выдохнула. Вдохнула. Почувствовала, как под её ладонью ровно пульсирует его Кантус: якорь, который не даст ей утонуть в чужом внимании.

Зеркало.

Ключ.

Щит.

И идеальная мишень.

Когда лекция закончилась, студенты потянулись к выходу, возбуждённо переговариваясь. Кто-то обсуждал страшные истории о Близнецах, подменивших детей в отряде. Кто-то спорил, возможно ли, чтобы мимик копировал Кантора.

– Ха! – фыркнула Злата, выпрыгивая в коридор. – Представляете, Близнец-Клод? Смотрит так же мрачно, командует так же уверенно, но... *смеётся* над шутками. Мы бы спалились сразу.

– Я *не* мрачен, – автоматически возразил Клод.

– Нет, ну если бы он был чуть менее занудой, можно было бы оставить его вместо тебя, – подмигнула ему Злата. – В целях улучшения атмосферы в отряде.

– Я запишу это в протокол, – флегматично заметил Ричард. – «Необходимость периодической ротации капитана для поднятия морального духа».

– Запишешь – сожгу, – отрезал Клод.

Лэя слушала их, но часть её внимания упрямо возвращалась к словам маэстро.

«Единственный способ – Зерцала.»

«Ответственность ложится...»

Она знала, что Кайен в подземельях видел, как она чуть не сняла печати с древней двери. Что Архикантор говорил о том, что Разлом её «заметил». Что Валерия, повышенная до командора, явно что-то замышляет.

Теперь к этому добавилось официальное: «ты – наш сканер на мимиков».

Разум говорил: *логично*. Нужен инструмент – используют того, кто может.

Чувства шептали: *а если я ошибусь?*

Если однажды она посмотрит на *своих* – на Злату, на Боба, на Ричарда, на Клода – и увидит... что-то не так?

А если Разлом научится ломать даже Зерцало?

Эти мысли засели где-то под грудиной и не хотели уходить.

Первая миссия второго года выдалась... разочаровывающе обычной.

По крайней мере, на бумаге.

– Сопровождение каравана, – сообщил Клод, сидя за столом в их общем закутке, куда они заглянули после обеда. – Припасы в деревню Линдорн, два дня пути туда, два обратно. По новой дороге вдоль северного склона.

Он бросил на стол сложенный вчетверо лист пергамента с печатью Валерии. Злата тут же подскочила и расправила его.

– «В связи с повышенной активностью Разломных тварей в регионе логистические цепочки требуют усиления. В качестве сопровождения выделяется отряд «Осколки» плюс двое первоодог для практики», – прочитала она вслух. – Практика... Эх.

– Начинаем как люди, а не как приманка для Пожирателей, – заметил Ричард. – Логистически оправдано.

– И психологически правильно, – вставил Боб. – После лета нам нужно вкатиться.

– Мне бы лично подошёл вариант «год без миссий и с дополнительным сном», – пробормотала Злата, но глаза её светились. Она *любила* выходы. Даже если потом половину времени жаловалась.

– Кто эти двое? – спросила Лэя, глядя на пометку внизу листа: «+2 – практиканты».

– Анна и Виктор, – ответил Ричард. – Из боевого крыла.

– Анна – Заклинатель, по отчётам хорошо владеет щитами и отвлекающими сигналами. Виктор – Ткач, специализируется на удерживающих рунах.

- Новички, – подытожил Клод. – Наша задача – вернуться с ними живыми. С *обоими*.
- Приказ командира понят, – шутливо отдала честь Злата.

Но за шуткой пряталось серьёзное: год назад *они* были такими же практикантами. Теперь к ним прицепляют «учеников». Мир делал очередной виток.

Караван ждал у северных ворот.

Три повозки: две с бочками и тюками – мука, сушёное мясо, соль, инструменты; одна – полупустая, для обратного груза. Четверо опытных возниц, двое стрелков из местного гарнизона. Кони нервно перебирали копытами, чуя запах предстоящих дорог.

– Разве это не... – начала было Лэя, приглядываясь к одной из лошадей с необычно массивной шеей и чуть тусклым, фиолетовым отблеском в глазах.

– Разломный гибрид? – подсказал Ричард. – Да. Слегка стабилизированный. Форпосты всё чаще используют их в запряжке. Лучше держат дорогу в нестабильных зонах.

Он поправил ремень с книгами.

– Пусть только не вздумают их «немного» вывести возле деревни, – проворчала Злата. – Не хочу объяснять бабкам, почему их куры начали рождаться с двумя головами.

У повозок стояли двое.

Девушка – высокая, с тёмными косами, собранными в плотный пучок, с аккуратными чертами лица и внимательными глазами. На её поясе висел свиток-держатель для рун, а на шее – амулет Заклинателя в форме крошечного серебряного голоса.

Рядом – парень, чуть ниже ростом, но широкоплечий, с жёстко остриженными волосами и уверенной манерой держать руки. Его плащ был расшит знаком Ткачей, а на пальцах – лёгкие рунические кольца.

– «Осколки»? – спросила девушка, подходя. В её голосе слышалась лёгкая нервозность, скрытая под старательной вежливостью.

– Мы, – кивнул Клод. – Капитан Клод Тревелиан. Это Злата, Боб, Ричард, Лэя.

– Анна Варр, – представилась она, чуть кивнув. – Заклинатель щитов.

– Виктор Кран, – коротко сказал парень. Его голос был глухим, но твёрдым. – Ткач удерживающих.

Их Кантусы были... ещё не устоявшимися. Анна – как плотно сплетённая сетка, в которой уже были узлы дисциплины и осторожности. Виктор – как ровные, натянутые линии, без лишних украшений.

– Наша задача – сопровождение, не геройство, – сразу обозначил Клод. – Никаких самовольных вылазок, никаких «я сам справлюсь». Слушаем приказы. Возвращаемся все. Вопросы?

– Н-нет, – Анна сглотнула. Виктор просто кивнул.

– Тогда – в путь.

Дорога вдоль северного склона шла по краю.

С одной стороны – крутой, местами почти отвесный склон вниз, где внизу, далеко, клубилась зелёно-серая дымка леса. С другой – каменные зубцы, выпирающие из горы. Ветер дул с перевала, холодный, с привкусом снега.

Кантус вокруг был неспокоен. Не как в непосредственной близости от Разлома, но и не такой ровный, как вокруг Сребрянска. Здесь в трещинах скал шевелились мелкие, но неприятные существа. Иногда по нитям проходила лёгкая дрожь – словно кто-то провёл по ним ногтем.

Лошади всхрапывали, повозки поскрипывали. Возницы обменивались короткими репликами. Стрелки, сидящие на облучках, поглядывали по сторонам, держа арбалеты наготове.

Осколки шли цепочкой по обочине.

– Похоже, тихо будет, – через пару часов сказал Ричард, вскинув голову. – Никаких аномальных всплесков. Кантус в пределах среднестатистической нестабильности.

– Не сглазь, – пробормотал Боб.

– Как учёный, я не верю в сглаз, – фыркнул Ричард.

– Как боец, ты ещё мало жил, – заметил Клод.

Злата зевнула.

– Если мы вернёмся без единой царапины, я не знаю, буду ли рада или разочарована.

– Рада, – твёрдо сказала Лэя. – Достаточно у нас дырок в шкуре за прошлый год.

Анна шла немного позади, время от времени бросая на них быстрые взгляды. Виктор – по левому флангу, контролируя склон.

– Вы... – начала Анна, потом запнулась. – Говорят, вы были там. На прорыве. Когда на Замок шла орда.

– Говорят, – отозвалась Злата, рассматривая камни под ногами. – Говорят обычно те, кто там не был.

– Мы просто делали свою работу, – тихо добавил Боб.

– И продолжаем, – закончил Клод.

Анна кивнула, сжала амулет на груди. Её Кантус дрогнул, как струна. В нём промелькнули узелки страха и... восхищения.

Они прошли ещё с час.

И мир взорвался.

Не громко – *резко*.

Из правого склона, почти у самой границы видимости, выскочили они.

Разломные волки.

Их было шесть. Размером с пони, с вытянутыми, словно растянутая кожа, мордами и костяными наростами вдоль хребта. Глаза горели матовым фиолетовым, из пастей тянулся пар. Их Кантус был рваным, как перекушенные нити – нестабильный, но мощный.

– Контакт! – проревел один из стрелков, вздёгивая арбалет.

– Влево! – почти одновременно с ним крикнул Клод. – Боб – стена! Злата – огонь между второй и третьей! Ричард – расклад! Лэя – прикрытие каравана! Анна, Виктор – на подхват, *никаких* самоволок!

Команда встала на места, как отработанный механизм.

Боб рванулся вперёд, вонзая руки в каменистую почву.

– Вста-а... – его голос слился с низким гулом земли.

Перед караваном, между повозками и наступающей стаей, вырастила стена. Неровная, но крепкая, из сдвинутых каменных плит, обломков, грязи. Волки ударились в неё, завывли, перепрыгнули часть... но этого и ждали.

– Фламма фэри! – пела Злата, её голос звенел, как искры.

Между вторым и третьим волком вспыхнула полоса огня. Не широкий вал, как она любила делать на тренировках, а узкая, режущая струя. Она ударила под лапы, лишая их опоры. Оба волка взвыли, заваливаясь, и тут же получили в морды болты от стрелков.

– Их шесть, – отрывисто бросил Ричард, почти не двигая губами. – Двое слева идут в обход. Один – крупнее, вероятно, альфа. Кость у него на шее – слабое место.

– Принял, – отозвался Клод.

Он уже был в движении.

Шаг – уклон, резкий выпад. Его меч описывал короткие, экономные дуги, в которых не было ни грамма лишнего пафоса. Первый волк, прыгнувший поверх стены, даже не успел понять, что произошло, – его голова отделилась от тела почти чистым, ровным срезом.

Второй попытался зайти сбоку. Руны Виктора вспыхнули из-под земли – он чертил их до этого, будто просто ковырял носком сапога в грязи. Волка подбросило вверх, связав лапы невидимыми нитями. Клод лишь добил, не тратя сил на собственное удержание.

Анна, побледнев, но не дрогнув, подняла руки.

– Щит! – её голос дрогнул, но Кантус послушался.

Перед левым флангом каравана возникла полупрозрачная, чуть зеленоватая стена. Два волка, попытвшиеся проскочить там, ударились в неё. Щит дрогнул, затрещал, но выдержал. В то же мгновение Лэя ощутила, как через Кантус проходит удар – и частично приняла его на своё Зерцало, разгружая Анну.

– Молодец, – коротко бросила она, вскользя касаясь плеча девушки.

Оставшиеся волки, увидев, что лёгкой добычи не вышло, завyli. Альфа – действительно крупнее, с массивной короной костяных наростов, – прыгнул на стену, оттолкнулся, пытаясь перелететь.

И оказался прямо напротив Боба.

– Вот и встретились, – мрачно сказал тот.

Его кулак, усиленный Кантусом земли, встретил волка в воздухе. Удар был не красивым, не изящным – просто чудовищно *сильным*. Хрустнули кости, брызнула тёмная кровь. Альфа рухнул на землю, подминая под себя выбитые камни.

Тишина наступила так же резко, как и бой.

Шесть тел лежали в разных позах. Ни одно из них не шевелилось.

– Караван – цел? – крикнул Клод, оборачиваясь.

– Цел, – отозвался один из возниц, выглядевший, правда, на десяток лет старше, чем утром.

– Раненые?

– Мне по лапе... то есть по ноге задело, – выдавил стрелок, показывая рваную царапину. – Но жить буду.

Анна тяжело дышала, держась за амулет. Виктор чуть дрожал, но лицо сохранял каменным.

– Вы... – начал он, глядя на Осколков, – вы... как...

Он искал слова.

Анна, наконец, нашла их первой.

– Как один организм, – выговорила она, всё ещё не отводя глаз от стены, которую вырастил Боб и через которую проскочил Клод.

Злата довольно вскинула подбородок.

– Два года вместе делают своё дело, – гордо сказала она. – В нас много чем кидали. Мы ещё не всё поймали, но уже хорошо умеем ловить.

– И падать, – добавил Боб.

– И вставать, – закончил Ричард.

Клод только коротко кивнул.

А Лэя вдруг поймала себя на том, что в этом бою... не чувствовала паники.

Да, когда волки выскочили из-за скалы, сердце подпрыгнуло. Да, Кантус дрогнул, подавая тревожный сигнал. Но тело уже знало, куда встать, кому дать прикрытие, где усилить щит, где – добрать часть удара.

Бой стал... рутиной.

Не в плохом смысле – в привычном. В отточенной до автоматизма работе.

Это было одновременно и утешительно, и страшно.

Деревня Линдорн встретила их запахом дыма и хмеля.

Домики, притулившись к склону, ловко втискивались в трещины скал. Узкие улочки, по которым вилась коза за козой. Мужчины, пахнущие потом и железом. Женщины, с руками, вечно занятыми то корзинами, то детьми.

При виде каравана, вошедшего на площадь, люди высыпали из домов, словно по команде. Шепот: «Припасы пришли». Вздохи облегчения. Кто-то перекрестился по-своему, через левое плечо.

– Канторы, – услышала Лэя, как сказала какая-то женщина, прижимая к себе ребёнка. В её голосе звучала смесь уважения, страха – и благодарности.

Эти три составляющие сопровождали их везде, где они появлялись.

Повозки разгружали быстро. Мужчины подхватывали бочки, тюки, неся их к амбарам. Дети с любопытством глазели на оружие Осколков, не решаясь подойти ближе. Собака, наглая, рыжая, пыталась утащить кусок сухаря из ящика, но получила по носу от бабки.

– Остаёмся на ночь, – сообщил Клод, подходя к ним, когда разгрузка закончилась. – Караван назад пойдёт утром. Деревня обещала ужин и место у костра. Забота о безопасности – наша.

– Ужин... – мечтательно сказала Злата. – Я люблю это слово.

– Ты любишь *все* слова, где есть «есть», – поправил её Боб.

– Неправда. Мне не нравится слово «пост», – возразила она.

Их разместили на окраине деревни, у старого, но ещё крепкого сарая, где можно было сложить вещи и перевести дух. А потом пригласили к общему костру.

Ночь в горах наступала быстрее, чем в Сребрянске. Солнце едва спряталось за гребнем, как холод тут же начал пролезать в рукава. Но у костра – большого, с толстыми брёвнами – было тепло. Над огнём бурлила огромная кастрюля с густой похлёбкой, пахнущей мясом, травами и чем-то домашним.

Осколки сидели в кругу среди жителей. Кто-то рассказывал свежие новости: где-то на юге задержали ренегата; в столице вводят новые налоговые правила; в соседней долине какой-то умник пытался приручить Разломную птицу и теперь лечит полдеревни от ожогов.

Им подали глиняные миски, щедро налив похлёбку. Злата засияла. Боб, попробовав, одобрительно кивнул. Ричард что-то бормотал про «интересную комбинацию специй». Клод ел молча, но спокойно. Лэя чувствовала, как тепло от миски разливается по телу.

Старик, сидевший напротив, с густой белой бородой и морщинистым лицом, смотрел на них с пристальным интересом. На его поясе висел старый, затёртый амулет – знак того, что когда-то он тоже служил. Может быть, не Кантором, но кем-то в системе.

– Вы молодые, – наконец сказал он, отставив чашку. Его голос был хриплым, но крепким. – Сильные. Смотрите прямо. Хорошо.

– Спасибо, – вежливо ответил Клод.

– Я, было дело, тоже думал, что весь мир в моих руках, – усмехнулся старик. – Пока не увидел, *что* там, где он трескается.

– Вы видели Разлом? – тихо спросила Лэя.

Старик посмотрел на неё, и в его глазах мелькнуло что-то вроде удивления – не от вопроса, а от *того, кто* задал его. Он чуть прищурился.

– Видеть... – протянул он. – Говорят, если долго смотришь в Разлом, он начинает смотреть в тебя. Это не я придумал, это один умный Кантор сказал. Я тогда был простым проводником. Возил грузы до одного форпоста. Видел трещину. Видел, как из неё что-то вылезает. Видел, как Канторы поют так, что кровь в жилах стынет.

Он задумался, глядя в огонь.

– А ещё слышал истории, – добавил он. – Старые. Про то, что *там*, в самом сердце, не просто пустота. Не просто трение миров. А что-то... *Древнее*.

Костёр треснул. Кто-то уронил ложку. Злата наклонилась вперёд, глаза её блеснули – любопытство и страх вперемешку.

– Какое ещё Древнее? – спросила она, не сдержавшись.

Старик пожал плечами.

– Легенда, – сказал он. – Бабы на ярмарке рассказывают. Мол, есть в глубине Разлома существо. Старше нашего мира. Может быть, старше *всех* миров. Оно спит. И пока спит – всё держится более-менее. А иногда... – он провёл пальцем по горлу, – просыпается. Не полностью. Так, на миг. И тогда... шепчет.

Ложка в руке Лэи остановилась.

Шорох голосов вокруг отошёл на второй план. Огонь стал ярче.

– Шепчет? – повторила она, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

– Тем, кто... умеет слушать, – старик кивнул. – Кто тонкий. Кто... слишком открыт. Зовёт, говорят. Обещает силу. Показывает сны. Иногда люди идут за этим голосом. В прямом смысле. Встают ночью и идут в сторону Разлома. Если люди видят, успевают остановить.

Он понизил голос.

– А иногда – нет.

По спине Лэи пробежал ледяной холод.

«Приди ко мне...»

Ты принадлежишь мне...»

Голос из её кошмаров, из подземелий Готерна, из-за запечатанной двери, вдруг обрёл имя. Или, по крайней мере, легенду.

– Это просто сказка, – хмыкнул кто-то из молодых охотников возле костра.

– Всё когда-то было «просто сказкой», – парировал старик. – Пока не укусило за задницу.

– В официальных трактатах, – вполголоса начал Ричард, словно ощущая, как воздух вокруг сгустился, – концепция «Древнего» как персонифицированного ядра Разлома рассматривается как мифологический конструкт. Символ. Разум Разлома – это, скорее, совокупность эманаций...

– Переведи, – попросила Злата.

– Это *возможно*, но не доказано, – вздохнул он. – Наука оперирует фактами.

Он посмотрел на Лэю.

– Легенды любят давать лицам имена. Это проще, чем жить с мыслью о бесформенном хаосе.

Лэя стиснула ложку.

– А если легенда *о чём-то*? – спросила она. – О том, что ещё не описано?

Ричард чуть нахмурился.

– Тогда это – указатель, – признал он. – Но до тех пор, пока у нас нет *данных*, это остаётся указателем, а не картой.

Его разум всё ещё искал опору в словах, формулах, понятиях. Её – в шёпотах сна.

Старик тем временем уже рассказывал дальше – про то, как в их деревне когда-то мальчик пытался «услышать» Разлом и сошёл с ума; как какая-то женщина исчезла ночью, а потом её нашли у самого края трещины, бормочущей что-то непонятное.

Слова тонули в треске огня. Дети зевали. Женщины качали головами: «Страшилки на ночь».

Но для Лэи каждый его звук был эхом того, что уже шло за ней тенью.

– Лэя, – тихо позвал её Клод, касаясь локтя.

Она чуть вздрогнула.

– Всё в порядке? – спросил он.

Она посмотрела на него – на его тёплые, живые глаза, на руку, в которой ещё недавно держала меч. На его Кантус – ровный, твёрдый, как скала, к которой можно прижаться.

– Просто... сказки, – выдавила она, почти повторяя слова Ричарда.

– Сказки, – согласился он. Но в его взгляде мелькнула тень. Он видел, как напряглась её челюсть, как дрогнули пальцы.

Он не стал расспрашивать при посторонних. Но она знала: вернуться в Замок – разговор продолжится.

Огонь потрескивал. Над головой мерцали редкие звёзды – здесь, в горах, их было меньше, чем над Сребрянском, но они были ярче.

Где-то глобальный Разлом дышал. В его сердце, может быть, действительно кто-то спал. Или бодрствовал. Или шептал.

А здесь, у небольшого деревенского костра, молодые Канторы, ещё не знающие, сколько им отпущено, ели похлёбку и слушали старые истории.

Лэя смотрела в огонь и думала о том, что границы между «сказкой» и «кошмаром» иногда слишком тонки.

И что её Зерцало, похоже, будет участвовать в их стирании гораздо чаще, чем ей хотелось бы.

Глава 4. Под прицелом

Вызов пришёл не через дежурного маэстро, не через курсанта-гонца и даже не через сухую записку под дверь.

Он возник *внутри*.

Тонкая, почти неощутимая ниточка Кантуса дёрнулась, словно кто-то провёл по ней ногтем. В голове прозвучало чужое, ни с чем не спутываемое слово – не голосом, а как отпечаток мысли:

«Приди.»

Маэстро Кайен не утруждал себя формальностями.

Кабинет Кайена прятался в самом старом крыле замка, там, где коридоры становились уже, факелы – редкими, а камень – темнее и холоднее.

Лэя шла туда одна, слушая собственные шаги. Окружающий Кантус, обычно гулкий, наполненный сотнями нитей, здесь был... глуше. Приглушён, как в помещении, где стены толстые и окна крошечные.

Перед дверью не было ни стражи, ни рун замка, предупреждающих от посторонних. Только неприметная створка тёмного дерева без таблички.

Она постучала.

– Входи, – раздалось изнутри ещё до того, как костяшки её пальцев коснулись дерева.

Кабинет был похож на своего хозяина.

Тёмный. Сдержанный. Неприятно *тихий*.

Стены были почти полностью заняты полками и витринами. Но это были не книги – книги стояли только в одном углу, аккуратной, строгой колонной. Остальное пространство занимали артефакты.

Какие-то – похожие на обычные безделушки: потемневшие кольца, куски металла, засушенные корешки трав, обломки костей. Другие – опасно мерцающие: кристаллы странных форм, маски без рта и глаз, тонкие, как иглы, флаконы с густой, едва шевелящейся жидкостью.

Над одним из столов висела сеть тончайших цепей, каждая – с крошечной руной. Они тихо звенели от её присутствия, как паутина, в которую попала муха.

В центре комнаты – стол, заваленный свитками, не по возрасту потрёпанными картами и чёрными, матовыми камнями. На краю стола – один-единственный светильник, дающий мягкий, но недостаточный свет. Всё вокруг казалось чуть размытым, как в полумраке подземелий.

Маэстро Кайен сидел у стола, откинувшись на спинку стула. Его лицо, как всегда, было наполовину в тени. Чёрные волосы, едва тронутые сединой у висков, были собраны в низкий хвост. На нём не было мантии – только тёмная рубаха, в тени почти сливающаяся со спинкой стула.

Он не поднялся когда она вошла, просто перевёл на неё взгляд. Ошибиться в этом взгляде было невозможно: холодный, внимательный, будто он просчитывал не только её движения, но и те, которые она *могла бы* сделать.

– Закрой дверь, – сказал он.

Она послушалась. Дерево за спиной тихо щёлкнуло, отрезая остатки света из коридора.

Внутри стало ещё темнее.

– Садись.

Он кивнул на стул напротив стола. Стул был обычным, деревянным – но казался частью этой комнаты, замаскированным элементом ловушки.

Лэя подошла и села, чувствуя, как под ней холодит дерево.

Некоторое время он молчал. В этой тишине отчётливо слышался только их дыхание и тихий звон цепочек у стены.

– Голос, – произнёс он наконец.

Слово упало в пространство между ними, как камень в колодец.

– Ты всё ещё его слышишь?

Не «какой голос». Не «что за голос». Он *знал*, о чём говорит. И не пытался смягчить.

Лэя сжала пальцы на краю сиденья.

– Иногда, – честно ответила она. – Реже, чем раньше. Летом... было хуже. Здесь – тише.

– «Тише» – не значит «нет», – сухо заметил он. – Что он говорит?

Она вздрогнула. Внутри тут же отозвалось: *«Приди ко мне... ты принадлежишь...»* – но она заставила себя сосредоточиться.

– Зовёт, – сказала она, глядя ему прямо в глаза. – Обещает силу. Понимание. Иногда... показывает сны.

Она замолчала. Не добавила: *«Иногда просто дышит в моей голове, будто сидит рядом.»*

Кайен чуть наклонил голову.

– И ты думаешь, ты контролируешь это? – в его голосе не было насмешки. Только интерес.

– Да, – она встретила его взгляд. – Я не иду. Я не поддаюсь. Я знаю, что это ловушка.

– Контроль, – произнёс он медленно, – это иллюзия, которой люди утешают себя, стоя на краю обрыва.

Он откинулся назад, переплетя пальцы.

– Разлом терпелив, Лэя. Он не торопится. Он может шептать годами. Десятилетиями. Ждать, пока у тебя случится слабость: тяжёлая рана, потеря, бессонная ночь, – он говорил это так, словно читал по её внутренней хронике, – и *тогда* сделаешь шаг вперёд. Когда твой так называемый контроль треснет.

Он поднялся со стула плавно, почти бесшумно. Тень от него скользнула по стене, на миг сливаясь с подвешенными цепями.

Подошёл к одной из витрин, открыл её беззвучным движением и достал *что-то*.

Кристалл.

Он был неправильной формы – будто кусок ночи, замерший в камне. Не глянцевый, как обычные кристаллы Кантуса, а матовый, почти бархатный. Свет от светильника словно *проваливался* в него, исчезая без отражения.

Лэе стало не по себе уже от одного вида.

– Знаешь, что это? – спросил он, разворачивая кристалл в пальцах. На его руке вспыхнула еле заметная руна – артефакт признал хозяина.

– Нет, – призналась она. – Похоже на... анклавит? Только... испорченный.

– Это *подавитель*, – ответил Кайен. – Не для людей. Для связей.

Слово эхом ударило в виски.

– Я не позволю, чтобы ты стала ещё одной Мариан Фрокс, – добавил он, будничным тоном, будто говорил о замене сломанного инструмента.

Имя вспороло воздух.

Лэя сжала зубы.

– Я *не* она, – тихо сказала она.

– Пока, – поправил он. – Она тоже не *собиралась* становиться тем, чем стала.

Он положил кристалл на стол между ними. Тьма в нём, казалось, чуть шевельнулась.

– Это подавитель умбрального резонанса. Если Голос усилится – если Разлом попытается схватиться за тебя крепче – кристалл активируется и заблокирует канал. Разорвёт нить.

– Нить... с *ним*, – уточнила она.

– И с ним. В *первую очередь* – с ним, – его взгляд стал острее. – Но да. И с тобой тоже.

Он не стал приукрашивать.

– Твой Кантус завязан на Разлом сильнее, чем у большинства, – продолжил он. – Зерцало без потока – это зеркало без света. Подавитель отсечёт не только голос, но и значительную часть твоей силы.

Слова легли тяжело.

– То есть... – медленно произнесла она, – если он сработает... я...

– Станешь *менее* полезной, но всё ещё живой, – жёстко сказал Кайен. – В худшем случае – обычным человеком. В лучшем – ограниченным Кантором.

Он посмотрел ей прямо в глаза.

– Выбор между силой и душой, Лэя, – не тот выбор, над которым стоит долго думать.

Гнев поднялся внутри, горячей волной.

– Вы говорите, как будто это *ваши* выбор, а не мой, – холодно заметила она.

Уголок его губ чуть дёрнулся.

– Ты под надзором Совета, – напомнил он, без тени извинения. – И твоё существование – вопрос не только твоей судьбы, но и безопасности Замка. В идеале, этот разговор должен был закончиться Печатью. Я напоминаю им, что ты – ценное оружие. Поэтому мы ищем компромисс.

Он чуть наклонился вперёд.

– Это – компромисс.

Кристалл лежал на столе, чёрный и молчаливый. Но её Зерцало уже ощущало от него холод. Не физический. Кантусный. Как ледяной ветер, дующий не в лицо, а в самую душу.

– Если вы *навесите* его на меня, – выдавила она, – Голос станет тише. Но и я... тоже.

– Лучше потерять силу, чем душу, – тихо сказал он.

И в этих словах, впервые, прозвучала не только холодная логика. Там была... тень боли. Древней. Личной.

Он обошёл стол и встал рядом. Кристалл зажат между пальцами, на тонкой цепи из тусклого металла.

– Это не просьба, – предупредил он. – Это мера предосторожности.

– И если я откажусь? – спросила она, чувствуя, как ладони потеют.

– Тогда на следующем Совете я подниму вопрос о Печати, – спокойно ответил он. – И, поверь мне, после того, как ты едва не сняла одну из крупнейших печатей под Замком, – его голос стал чуть жёстче, – у этого предложения будет много сторонников.

Слова врезались, как нож.

Она *помнила* тот момент. Тьма в подземельях. Дверь, покрытая рунами, светящаяся изнутри фиолетовым. Тонкий, манящий шёпот: «Приди, мы с тобой одной природы...» Рука, тянущаяся сама. Холодное касание на запястье – и голос: «Достаточно».

Маэстро Кайен выволок её оттуда, когда она уже почти коснулась центральной печати.

Он спас ей жизнь. И, возможно, мир.

Но *сейчас*...

Сейчас этот же человек удерживал цепь, как поводок.

Она могла отказаться. Могла встать, уйти, хлопнуть дверью. Могла сказать, что это вмешательство в её волю, её тело, её Кантус.

А могла остаться без всего.

Выбор был иллюзией.

Она подняла подбородок.

– Вешайте, – произнесла она, почти шёпотом, но ровно.

Он не стал говорить «молодец» или «разумно». Не сделал драматической паузы. Просто поднял цепь и надел ей на шею.

Металл лег на кожу холодной змейкой. Кристалл оказался как раз в ямочке между ключицами – там, где раньше обычно лежал кулон матери. Теперь два артефакта коснулись друг друга – холод тьмы и прохлады серебра.

На миг Лэя почувствовала, как её сердце как будто... *споткнулось*.

Мир дёрнулся – и стал тише.

Не звук. Кантус.

Тот вечный гул, который она слышала в Замке всегда – хор нитей, шепчущий в глубине, – отступил. Как если бы дверь в шумный зал закрыли. Она всё ещё видела нити. Всё ещё ощущала Кантуса. Но... приглушённо. Будто через толстое стекло.

А главное – там, в глубине, где обычно на самой границе внимания раздавалось холодное: «Лэ-я...», – стало... пусто.

Ни шёпота. Ни дыхания. Только её собственные мысли.

Она вздрогнула – от облегчения и страха одновременно.

– Привыкай, – сказал Кайен. – Пока он просто *есть*. Если умбральный резонанс усилится – он станет *активным*. Ты это почувствуешь. Надеюсь, в этот момент ты будешь не в подземельях.

– А если... – голос её дрогнул, – если он ошибётся? Если сработает не на Голос, а на что-то другое?

– Тогда, – спокойно ответил он, – ты на время станешь слабее. Но будешь жива. А я – рядом.

У него это прозвучало не как обещание защиты. Как обещание контроля.

– Ты поставил меня на прицел, – тихо сказала она, наконец найдя слово для того, что чувствовала.

– Я навёл прицел на Разлом, – возразил он. – Ты – просто прицельная линия.

Она поднялась.

– Могу идти?

– Да, – кивнул он. – И...

Он на секунду задумался, затем добавил:

– Я не *рад* этому, Лэя. Но я уже видел, как то, что сидит за дверью, забирает людей.

Он на миг отвёл взгляд – туда, где на стене висел старый, потёртый амулет. Серебряный круг с трещиной.

– Я не дам ему повторить это. Не через тебя.

Она смотрела на него ещё секунду. На человека, который был одновременно и тюрьмой, и сторожем у дверей, за которыми прятался настоящий ужас.

Потом развернулась и вышла, ощущая холод кристалла на груди, как клеймо.

Валерию она нашла в тренировочном зале.

Командор Готерна стояла посреди «Клетки» – того самого круглого помещения без окон, где год назад разбирала Лэю на куски, учила не бояться силы, а управлять ею. Сейчас зал был пуст, кроме одной мишени, насквозь прожжённой свежими следами Кантуса.

Валерия стояла, опустив руки, волосы выбились из тугого узла, дыхание было чуть сбивчивым – редкая картина. Она только что закончила какую-то свою, личную тренировку.

– Маэстро, – осторожно позвала Лэя, входя.

Валерия обернулась. В её взгляде мелькнуло удивление, быстро сменившееся привычной строгостью.

– Лэя. Тебя уже успели пнуть? – сухо спросила она. – Это рекорд.

– Не пнуть, – криво усмехнулась девушка. – Скорее... привязать.

Она откинула ворот рубахи, показывая кристалл.

Тёмный, матовый, в свете факелов он казался почти чёрной дырой.

Глаза Валерии сузились.

– Кайен, – констатировала она. Никакого вопроса.

– Да, – кивнула Ляя. – Сказал, что это подавитель. На случай, если Голос усилится.

– Голос *усиливался*? – спросила Валерия. В её голосе не было паники, только внимательность.

– Иногда, – призналась Ляя. – Он... рассказывал про Мариан Фрокс. Что видел, как она... Слова застряли в горле.

Валерия молчала несколько секунд. Слишком длинных.

Затем медленно подошла ближе.

– Сними, – коротко приказала она.

– Что? – не поняла Ляя.

– Сними, – повторила. В голосе сталь.

Ляя автоматически попыталась ухватиться за цепь. Металл обжёг пальцы холодом. Когда она попыталась стянуть его через голову – цепь будто *упёрлась* в воздух, не двигаясь ни на миллиметр. Руна, вспыхнувшая на кристалле, глухо отозвалась в её груди.

– Не получается, – тихо сказала она. – Он...

– Привязан к твоему Кантусу, – закончила за неё Валерия, глаза которой потемнели. – Тонко. Изящно. По-кайеновски.

Она выругалась себе под нос так, что Злата бы гордилась.

– Значит, только он может снять? – спросила Ляя.

– Или кто-то с сопоставимой квалификацией, – холодно сказала Валерия. – Но тогда это будет уже *демонстрация силы* против него. А пока...

Она разжала кулаки, будто с трудом заставляя себя расслабиться.

– Пока – это политический жест. Совет нервничает. Кайен – параноик с личным травматичным опытом.

Она посмотрела Ляе прямо в глаза.

– Ты знаешь, кто была Мариан Фрокс для него?

– Наставницей, – ответила та. – Он... сказал.

– Не просто наставницей, – поправила Валерия. – Она была тем, кем я когда-то была для твоей матери. Только... ближе. Она вытаскивала его из грязи, когда он был никем. Учит, кормит, защищает – он, пацан из трущоб, которому вдруг дали цель. А потом он смотрит, как она... *ломается*. Не за ночь, не за день. По кусочку.

Валерия отвернулась, сделала пару шагов по залу.

– Я тогда была ещё молодой, – сказала она, чуть тише. – Но помню. Помню, как Кайен стоял у двери её камеры, когда Совет решил, что надо запечатывать. Как он не уходил, пока последняя печать не легла. Как потом неделю не разговаривал.

Она вздохнула.

– С тех пор он видит Блинецов *езде*. Даже там, где их нет. И всё, что хоть как-то резонирует с Разломом, для него – потенциальная новая Мариан.

– То есть он... боится, что я повторю её путь, – сказала Ляя, сглатывая.

– Да, – просто ответила Валерия. – Боится *до смерти*. И делает то, что умеет: ставит печати, вешает цепи, строит ловушки.

Она подошла к ней ближе и, к удивлению Ляи, осторожно коснулась пальцем кристалла.

Тот отозвался глухим, неприятным эхом, но *её* кантус – Валерии – не задел.

– Носи, – сказала она после короткого молчания. – Если это успокоит Совет – пусть будет. Если Голос действительно попробует прорваться – возможно, артефакт сыграет свою роль.

Она подняла взгляд.

– Но не забывай: это *инструмент*. А *ты* – не кукла. Твой страх не должен становиться чьим-то поводом.

Слова ударили точнее любого заклинания.

– Ты говоришь, как будто... веришь, что я смогу... – начала Лэя.

– Не «сможешь». *Уже делаешь*, – отрезала Валерия. – Ты больше года живёшь с этим шёпотом и всё ещё стоишь, разговариваешь, смеёшься, дерёшься. Ты *вытаскивала* других, когда сама была наполовину сломана.

В её глазах, впервые, не было ни капли холодной отчуждённости.

– Я видела, как выглядят те, кто *проигрывает* Разлому, Лэя. Ты на них не похожа.

Комок в горле стал слишком плотным.

Валерия, будто почувствовав, отступила на шаг, возвращая маску.

– Кайен делает свою работу, – сказала она уже сухо. – Я – свою. Его задача – обезопасить Замок от худшего сценария. Моя – сделать так, чтобы до этого сценария не дошло. Носи кристалл. Но помни: не он держит тебя в узде. Ты держишь в узде *то*, что за ним.

Лэя кивнула.

Кристалл дёрнулся на груди, расплескивая по Кантусу неприятную рябь.

– И ещё, – добавила Валерия, уже отворачиваясь, – если Голос станет громче – *сначала* приходишь ко мне. Потом – к нему. Поняла?

– Да, маэстро, – тихо ответила Лэя.

– Свободна.

Она вышла из «Клетки», чувствуя, как спиной стекает холодный пот. Перед глазами стояло лицо Валерии – не той, что кричала на неё в первый год, бросая одну за другой атаки, а другой – той, которая знала, что значит смотреть, как твои кумиры превращаются в чудовищ.

И кристалл на груди, казалось, тяжелел с каждым шагом.

Клод заметил кристалл сразу.

Это и не удивительно: он знал *каждый* шрам на её теле, каждую царапину, каждую привычную морщинку у губ.

Они сидели у него в комнате, на полу, прислонившись спинами к кровати. Между ними стояла кружка с чаем – уже остывшим. Ночь за окном ещё не наступила, но день клонится. В камне Замка начинала шептать вечерняя прохлада.

Он говорил что-то про список следующих миссий, про то, что Валерия явно хочет использовать их в связке с форпостами на севере. Она слушала вполуха.

Когда он в очередной раз повернулся к ней, его взгляд на долю секунды задержался на её шее.

Через мгновение он уже смотрел не на лицо, а на кристалл.

Тёмный. Матовый. Тяжёлый.

Его глаза потемнели.

– Что это? – спросил он, голос стал на полтона ниже.

Она посмотрела на него. На его сжатую челюсть, на побелевшие костяшки пальцев, которыми он вцепился в край кружки.

И усмехнулась уголком губ – криво, горько.

– Поводок, – сказала она. – Очень красивый. Очень... незаметный.

Он замер.

Чего угодно он мог ожидать – шутки, отмазки, уклончивого «артефакт». Но то, как она это сказала...

– Кайен? – в его голосе уже не было вопросов. Только ярость.

– Кто же ещё, – кивнула она, откидывая волосы, чтобы ему лучше было видно. – Говорит, что это «компромисс». Между его паранойей и желанием Совета не делать из меня сразу очередную Мариан.

Его лицо дёрнулось.

– Он не имел права... – начал он, вставая. Голос сорвался, пошёл грубее, ниже. – Навешивать на тебя артефакт *без твоего согласия!*

– Он спросил, – тихо заметила она. – Потом объяснил, что если я откажусь – поднимет вопрос о Печати.

Она пожала плечами.

– Я выбрала. Типа выбрала.

Он подошёл ближе. В тишине комнаты это движение прозвучало, как удар.

– Дай посмотреть.

Его пальцы – тёплые, живые – осторожно поддели кристалл, переворачивая. На ощупь тот был неприятно гладким. Не как стекло, не как лёд. Как... кусок застывшей, чужой тьмы.

Клод опознал тонкие руны на оправе. Сложное, многослойное плетение. Умно. Надёжно. Опасно.

– Сниму, – процедил он.

– Не снимешь, – спокойно ответила Лэя. – Я уже пыталась. Валерия тоже пробовала. Он завязан на мой Кантус. Если его рвать силой – неизвестно, кого разорвёт.

Он сжал зубы так, что на скулах заходили жилы.

– Я ненавижу это, – выдохнул он. – Ненавижу, что они...

Он не договорил. Резко развернулся и ударил кулаком в стену.

Камень глухо отозвался. Кантус вокруг дрогнул, но выдержал.

– ...что они заставляют *тебя* чувствовать себя угрозой, – закончил он уже тише, сжав руку. Кожа на костяшках содралась, выступила кровь.

Она неожиданно почувствовала, как к горлу подкатывает ком.

– А если я и есть угроза?

Он обернулся.

– Я слышу Голос, Клод, – продолжила она, не отводя взгляда. – Я чувствую то, чего не чувствуют другие. Я стояла у двери, которую никто не может открыть. Я...

Она сглотнула.

– Может быть, они правы. Может, лучше, чтобы у меня на шее висел этот камень, чем чтобы... я однажды проснулась *не собой*.

Он подошёл ближе. Медленно, будто боялся спугнуть её.

– Ты *опасна*, – сказал он, очень спокойно. – Да. Для тварей Разлома. Для тех, кто лезет в наш мир. Для тех, кто хочет нас сожрать.

Он протянул руку, положил ладонь ей на щеку, заставляя посмотреть на него.

– Но *для нас*, – добавил он, – ты – не угроза. Ты – щит. И...

Он запнулся на долю секунды, но продолжил:

– ...сердце. Моё и их. Они могут вешать на тебя какие угодно камни, писать в отчётах что угодно. Это не меняет того, *кем ты для нас являешься*.

Слова, наверное, можно было назвать банальными. Но сейчас, здесь, под тяжестью цепочки и под грузом Совета, они звучали как заклинание.

Она закрыла глаза, упираясь лбом ему в грудь. Его запах, его тепло пробивали ту глухую стену, которую кристалл поднял между ней и миром Кантуса.

– Если однажды этот камень... – его голос стал жёстче, – решит, что ты должна «стать слабее», я...

Он сжал её ближе.

– Я найду способ обойти его, – прошептал он. – Я не позволю им решать за тебя, кто ты есть.

Она усмехнулась, хрипло.

– Ты говоришь так, будто сможешь переспорить Кайена, Архикантора и Совет разом.

– Я не смогу их переспорить, – ответил он. – Но я смогу поставить себя между ними и тобой.

Он отстранился чуть, чтобы она увидела его глаза.

– Они видят в тебе инструмент. Я – человека. И если придётся выбирать, кого защищать, я уже выбрал.

Слёзы – редкие, упрямые – всё-таки выбрались наружу. Одна, другая. Она зло смахнула их рукавом.

– Ненавижу, когда ты говоришь так...

– Как?

– Как будто... уже решил погибнуть за меня, – выдавила она. – Я не хочу этого. Я не хочу, чтобы *ты* был ценой моего... контроля.

Он тихо рассмеялся. Не весело. Устало, но тепло.

– Тогда будем живыми оба, и будем *сложными* для всех этих старых параноиков.

Она всхлипнула, потом тоже рассмеялась.

Кристалл на её груди по-прежнему был тяжёлым и холодным. Голос в глубине молчал – то ли отсечённый, то ли притаившийся.

Страх собственной природы никуда не делся. Унижение от того, что её поставили на прицел, – тоже.

Но в тёплом кольце его рук, слыша, как ровно бьётся его сердце, она впервые за день почувствовала не только, *чем* она может стать...

...но и *кем* она уже является.

Для себя. Для них.

И, возможно, однажды – даже для того, кто сейчас висел у неё на шее чёрным, немым камнем.

Глава 5. Тренировка пределов

Тренировочный зал номер три называли по-разному.

Младшие – «мясорубкой». Старшие – «кузней». Маэстро Валерия – просто: «Клетка». Сегодня он был только их.

Руны на стенах – толстые, глубокие, в несколько слоёв, – тускло мерцали, готовые проглотить любой всплеск Кантуса. Пол – иссечён трещинами, оплавленными пятнами, вмятинами от падений. В воздухе пахло потом, раскалённым камнем и чем-то ещё – сухой, металлической ноткой чистой силы.

– Разминка окончена, – ровно сказала Валерия. – Переходим к тому, ради чего ты здесь.

Она стояла посреди зала, прямая, как клинок. Никакой парадной мантии – только тёмные штаны, облегающая рубаша с закатанными рукавами, открывающими жилистые руки. На шее – амулет командора. На лице – абсолютная концентрация.

Лэя стояла напротив. Рубаша прилипла к спине, сердце колотилось после десятка кругов по залу и скоростной отработки базовых приёмов. Но настоящий труд только начинался.

Кристалл-подавитель на груди был холодной точкой, присутствие которой она училась игнорировать. Браслет-стабилизатор от целителей мягко гудел на запястье.

– Сегодня мы не будем проверять, *есть* ли у тебя сила, – продолжила Валерия. – Я в этом больше не сомневаюсь. Сегодня мы будем проверять, способна ли ты её *держат*.

В её голосе не было ни грамма сомнения в необходимости этого.

– Зерцало – не только щит и не только рикошет, – напомнила она. – На высших уровнях – это резервуар и усилитель. Ты должна уметь не просто отбрасывать Кантуса, но и *вбрасывать* его. Держать. Направлять.

Она сделала шаг вперёд. Под ногой тихо хрустнул мелкий обломок камня.

– Уровень четыре, – сказал она, глядя прямо в глаза Лэе. – Поглощение.

Упражнение первое: Поглощение.

– В первый год я учила тебя *защищаться*, – напомнила Валерия. – Сейчас – учу быть *источником*.

Она подняла руку. На кончиках пальцев вспыхнули крошечные искры.

– Я буду атаковать, – спокойно произнесла она. – Небоевой мощностью, но достаточно, чтобы ты почувствовала. Твоя задача – не оттолкнуть и не отразить.

Серые глаза сузились.

– Ты должна *принять* мой Кантус. Внутрь. И не дать ему разнести тебе всё внутри.

Живот свело от одного этого образа.

– Это звучит как... попытка съесть огонь, – не выдержала Лэя.

– Именно, – кивнула Валерия. – Сначала будет больно. Потом – меньше. Потом – перестанет. Если выживешь.

– Утешили, – пробормотала девушка себе под нос.

– Готова? – спросила Валерия.

Вопрос был формальностью. Отступить было нельзя.

– Да, – сказала Лэя.

– Не ставь щит, – предупредила командор. – Не рефлекторно. Не инстинктивно. Если я почувствую, что ты *бежишь* от удара – начнём сначала. С *усилением* мощности.

Она подняла ладонь.

– Готовься.

Кантус вокруг сгустился.

– Люмен пульса, – ровно произнесла она.

На её ладони вспыхнул плотный, белый шар. Не огромный, не ослепительный – наоборот, почти компактный. Но от него исходило ощущение как от плотно сжатой пружины.

– Приём, – коротко скомандовала Валерия. – Сейчас.

Мир часто замедлялся для Лэи сам, но сейчас – *слишком* быстро.

Не думая, тело захотело сделать то, чему его год учила «Клетка»: построить щит, отразить, выстрелить обратно. Нити Зерцала на долю мгновения дернулись в привычном узоре.

Лэя со сдержанным ругательством *ломанула* этот инстинкт, как ломают привычку – резко, через внутренний хруст.

Попробовала не оттолкнуть свет – а... открыть руки.

Шар Кантуса ударил в неё, в грудь.

Боль была почти физической.

Не как удар – как ожог. Как если бы обожгло не кожу, а что-то *внутри*. Поры в душе, если бы такие существовали. Вспышка за грудиной, подскакивание сердца, во рту – привкус металла. Мозг на миг ослеп.

Щит, который она не поставила, взвыл внутри – привычка биться за выживание была сильнее приказов.

В следующий миг Кантус вырвался наружу через привычный выход.

Серебряный всполох сорвался с её ладоней и лизнул стену за спиной Валерии. Руна на ней вспыхнула, питьем вторгнувшийся Кантус, и зал снова стал глухим.

– Щит, – сухо констатировала Валерия. – Рефлекс.

Лэя жадно хватала воздух.

– Попробуй ещё раз, – последовал безжалостный приказ.

Попробовать «ещё раз» означало – снова и снова.

Они повторяли упражнение, как мантру.

– Приём.

– Не щит.

– Не отражение.

– Внутри.

Каждый раз шар Кантуса бил в грудь, каждый раз Лэя пыталась не оттолкнуть, а *впустить*. Каждый раз её Зерцало либо рефлекторно выставляло защиту, либо, наоборот, пыталось проглотить *всё сразу*, и тогда её сгибало пополам от боли так, что казалось – сейчас вырвется наружу собственное сердце.

Вкус крови во рту, дрожь в руках, мигрень, пульсирующая в висках – зал наполнялся её тяжёлым дыханием и сдержанными стонами.

– Ты захватываешь *слишком резко*, – холодно комментировала Валерия. – Пытаешься осушить озеро за один глоток. Ты – не Пожиратель. Ты – Зерцало. Ты должна *разделять* нагрузку.

– Легко сказать, – огрызнулась Лэя, вытирая кровь из носа рукавом.

– Я и говорю легко, – парировала та. – А делаю – сложно. Ты хочешь уровня четыре или хочешь продолжать играть в отражение на базовом?

Она не ждала ответа.

– Ещё.

Часы в «Клетке» не тикали. Время там измерялось ударами сердца и количеством падений.

Мышцы ныли. Кристалл на груди был ледяным якорем. Браслет-стабилизатор на запястье раздражающе гудел, сглаживая самые острые пики, но не забирая боли.

В какой-то момент Лэя поймала себя на том, что перестала *думать*. Остались только реакция, попытка поймать ритм.

И именно в этот момент что-то щёлкнуло.
Не снаружи – внутри.

– Стоп, – сказала Валерия, когда Лэя в очередной раз попыталась принять удар и опять сорвалась на щит.

Командор прошлась по кругу, разминая плечи, словно разогреваясь перед новой серией. Голос её был чуть тише, но не менее твёрдым.

– Ты всё ещё воспринимаешь Кантус как *что-то чужое*, – сказала она. – Как огонь, который тебе нужно поймать рукой. Именно поэтому боль превращает тебя в зверька в ловушке: ты либо бьёшься, либо отступаешь.

Она остановилась прямо напротив.

– Представь другое, – сказала она. – Не огонь. Воду.

Она провела пальцем по воздуху. Там, где прошла рука, в Зерцале Лэи мелькнула иллюзия: тонкая, мерцающая струя.

– Ты – сосуд, – произнесла Валерия. – Не губка, не фильтр, *сосуд*. Вода *сама* стремится заполнить пустоту. Твоя задача – не хватать, а *давать место*. И не пытаться сразу вылить всё обратно.

Слова были простыми. Как наставление пекаря: «Не бери тесто комком, растяни ладонью». Но за ними стояла другая геометрия мира.

Лэя закрыла глаза.

Вдох.

Выдох.

Заклинание – шар света – в представлении превратилось в струю воды. Чужой Кантус – как плотный поток, устремлённый к ней.

Она – не щит и не стена, а... кувшин.

Сначала – пустой.

Потом – наполняющийся.

Она не пыталась *схватить*, не пыталась *перекрыть*. Напротив: чуть «расширила» внутреннее пространство Зеркала, позволив потоку войти. С неохотой, с протестом инстинкта, но *осознанно*.

– Приём, – прозвучала команда.

Удар.

На этот раз боль была другой.

Не разрывающей – распирающей. Как если бы кто-то быстро наливал воду в сосуд – и тот на миг завибрировал от напора. Грудь, живот, руки словно на секунду отяжелели. Сердце сбилось с ритма – но не сорвалось.

Лэя держалась. Она *держала*. Не пыталась выкинуть сразу то, что вошло, не позволяла и растаять в себе, как яд.

Внутри – пульсация. Чужой Кантус, свернувшийся плотным шаром, горячим ядром под рёбрами.

– Дыши, – донёсся голос Валерии сквозь гул крови.

Она вдохнула. Выдохнула. Нашла границы этого «шара». Почувствовала, где он кончается и начинается *её* сила.

И, сжимая зубы, осторожно, как выпускают пар из перегретого котла, приоткрыла «клапан».

Серебряная вспышка вырвалась из её ладоней.

Но теперь это не был брызг неконтролируемого рикошета. Это был *струйный* выброс. Контролируемый. Направленный.

Лёгкий разряд Кантуса ударил в пустой тренировочный манекен в дальнем углу зала. Тот вздрогнул, дёрнулся и развалился на части, чёрным дымком поднимаясь от обугленных мест.

Внутри у Лэи ещё оставалось жаркое ядро чужой силы – уже не такое громоздкое, но осязаемое.

Она замерла, тяжело дыша.

Потом медленно, очень осторожно, выпустила остатки. По кусочку, по капле.

Зал озарился серией коротких, аккуратных вспышек.

Когда всё закончилось, она обессиленно опустила руки.

Валерия молчала несколько долгих секунд.

Потом кивнула.

– Молодец, – сказала она. И это слово, из её уст, стоило целой речи. – Это был уровень четыре. Самый низкий его порог, но всё же.

Лэя ухмыльнулась – губы дрожали.

– Чувствуется, – прохрипела она.

– Болит? – уточнила Валерия.

– Как будто в меня засунули раскалённый шар и попросили при этом улыбаться, – честно ответила девушка.

Командор кивнула.

– Привыкай, – сухо сказала она. – Это была одна «капля» моей силы. В бою придётся иметь дело с гораздо большим.

Она позволила себе одну короткую, почти незаметную паузу.

– Но ты справилась. И это значит, что у нас есть ресурс, с которым можно работать.

Сделала шаг назад.

– Перерыв десять минут. Потом – второе упражнение.

Упражнение второе: Усиление союзников.

Через десять минут в зал вошли остальные.

Клод – в тренировочной рубаше, с деревянным учебным мечом в руках, который во вселенной Готерна никак не означал «безопасность». Рядом с ним – Боб и Ричард, на этот раз в роли наблюдателей. Злата, чудом выклянчившая допуск «посмотреть», втиснулась в дверной проём, обещая «вести себя тихо», но уже глазами искала, на что бы взобраться повыше.

– Не привыкну к тому, что нас зовут в качестве *подопытных*, – проворчал Ричард, поправляя очки.

– Ты сам хотел «собрать данные», – напомнил ему Боб.

– Я хотел *наблюдать*, а не быть объектом воздействия, – уточнил тот.

– Сегодня объект – не ты, – спокойно сказала Валерия. – Сегодня объект – Клод.

– Отлично, – мрачно бросил тот.

– Цель – борьба с ложной скромностью, – не удержалась Злата.

– Злата, замолчи, – хором сказали трое.

Командор щёлкнула пальцами. В дальнем конце зала вспыхнули руны, и из пола поднялась новая мишень – массивный блок заколдованного камня, отмеченный кругом на средней высоте.

– Уровень четыре у Зеркала – это не только поглощение, – проговорила Валерия, оглядывая всех. – Это ещё и *усиление*.

Она перевела взгляд на Лэю.

– Ты умеешь отражать атаки врагов. Теперь ты должна научиться усиливать атаки своих. Через резонанс.

Она повернулась к Клоду.

– Твоя задача – бить так, как ты бьёшь обычно, – сказала ему. – Не больше, не меньше. Полной силой, но без показухи.

Её голос стал жёстче.

– Без попыток «помочь» ей, подстраиваясь под её Кантус. Понял?

– Понял, маэстро, – коротко ответил он.

– Ляэ, – продолжила она, – твоя задача – *настроиться* на его Кантус. Как ты настраиваешься на волну в море. Почувствовать направление, темп, силу удара – и в нужный момент внести *свой* вклад.

Она кивнула в сторону мишени.

– Результат ты увидишь сразу.

– А если мы... – начал был Ричард.

– ...переборщим? – закончила за него Валерия. – Тогда или стена треснет, или Клод.

Она смотрела Ляэ прямо в глаза.

– Именно поэтому это упражнение делаем *под моим контролем*. И ты очень внимательно слушаешь своё Зерцало.

Губы сами прошептали:

– Отлично. Ещё немного ответственности.

– Встали, – скомандовала Валерия.

Клод занял позицию в пятнадцати шагах от мишени. Стойка – идеально выверенная, привычная. Ноги – устойчиво. Плечи – расслаблены, но собраны. В руках – деревянный меч, который в его руках не выглядел игрушкой.

Ляэ встала чуть позади и сбоку, так, чтобы видеть и его, и цель.

– Закрой глаза, – тихо сказала Валерия, подойдя к ней сзади. – Не смотри глазами. Смотри *Кантусом*.

Она послушалась.

В темноте под веками Кантус Клода стал ярче.

Она *видела* его как набор напряжённых, ровных нитей. Столб энергии, уходящий от ног в землю, от плеч – в руки, в меч. Каждый дыхательный ритм – как лёгкий всплеск вдоль этих нитей.

– Почувствуй его ритм, – голос Валерии шел через плечо, прямо в ухо. – Не гадай, когда он ударит. *Жди*.

Звук шагов. Лёгкий скрип кожи. Вдох.

Кантус Клода начал меняться.

Он собирался. Как пружина. Как сжатый до предела лук. Энергия стекалась к правой руке, к пальцам, к лезвию деревянного меча, превращаясь в острый, направленный вектор.

– Сейчас, – прошептала Валерия.

Ляэ вытянула Зерцало к нему – не как щит и не как ловушку, а как... *настройщик*. Легонько коснулась его нитей – не вмешиваясь, а *подхватывая*.

В момент удара – когда меч пошёл вперёд, описывая дугу, – она вприснула в его Кантус свою силу.

Не всю. Малую часть. Как добавляют соль в уже горячее блюдо – чтобы усилить вкус, а не перебить.

Удар пришёлся в мишень.

Раздался глухой треск.

Камень, зачарованный, рассчитанный на сотни таких ударов, не просто треснул – *раскололся*. Тонкая, но глубокая трещина пробежала от точки удара вверх, до самого верха блока. Осколки посыпались на пол.

Злата коротко присвистнула.

– Вау, – выдохнула она. – Я знала, что вы вместе – опасная смесь, но не думала, что *настолько*.

Боб одобрительно хмыкнул. Ричард что-то быстрыми штрихами начал записывать в блокнот.

Клод отступил на шаг, глядя на мишень. Потом – на свою руку. Потом – на Лэю.

– Это... мощно, – сказал он, и в голосе его прозвучало уважение к тому, что они только что сделали.

– Это *уровень четыре*, – холодно подтвердила Валерия. – И, – её голос стал жёстче, – *очень опасно*.

Она обошла мишень, оценивая трещину. Кантус ещё потрескивал в воздухе.

– Если бы ты влила силу *чуть* раньше – сломала бы ему руку, – ровно сказала она, не глядя на них. – Чуть позже – удар бы сорвался. Если бы дала *чуть* больше – удар разнёс бы не только мишень, но и всё плечо. Или – если промахнёмся мишенью – внутренности своего же союзника.

Она вернулась, остановилась между ними.

– Усиление через резонанс – оружие тонкое. Это не просто «больше огня». Это хирургия. Малейшая ошибка – и режешь не врага, а своего же.

Серые глаза впились в Лэю.

– Запомни: у тебя нет права на «почти» и «примерно». Или ты попадаешь в нужный момент и в нужную точку – или не лезешь вообще.

– Поняла, – тихо сказала Лэя.

На самом деле внутри всё ещё дрожало. Не от страха – от ощущения *власти*. Быть способной так усилить чужой удар... это было опьяняющим.

Валерия, кажется, прочла это на её лице.

– И ещё, – добавила она, – не забывай: таких, как ты, Разлому очень приятно иметь рядом.

Она кивнула на кристалл на её груди.

– Не корми и его одновременно.

Дальше было «ещё раз».

И «ещё». И «слишком рано». И «слишком поздно».

Иногда мишень только содрогалась. Иногда трещины были тонкими. Один раз Клод отшатнулся с поморщившимся лицом – Лэя *пережала*. Не до травмы, но до острой, почти зубной боли по направлению удара.

– Хорошо, что это учебный зал, а не поле боя, – сказал он, качая плечом.

– Для боевых эффектов у нас есть Пожиратели, – ответила Валерия. – Здесь мы учимся, как *их* убивать, а не друг друга.

С каждым повторением Лэя чувствовала себя всё хуже.

Давление чужой силы, постоянная необходимость тонко подстраиваться, держать в себе и *поглощение*, и *усиление* – голова гудела, как набат. Мир периодически «плыл». В одном из заходов у неё резко потемнело в глазах, и только рука Боба, оказавшаяся под локтем, не дала ей приложиться лицом к полу.

– Перерыв, – резко сказала Валерия, поднимая ладонь, когда увидела, как резко изменилась её аура. – Всё. На сегодня хватит.

– Я ещё могу, – упрямо выдохнула Лэя.

– Я не собираюсь выяснять, *насколько* «ещё», – отрезала командор. – Ты забываешь, что помимо твоей силы у меня есть ещё ответственность. В том числе – *за тебя*.

С этими словами она подошла и почти силой вытолкнула Лэю к двери, одновременно бросив через плечо:

– Боб, отнесёшь её в госпиталь. Злата, если будешь взрывать по дороге – я лично отправлю тебя на кухню мыть котлы. Ричард – за тобой записи. Клод – завтра в это же время. Одного.

– Да, маэстро, – хором отозвались они.

Госпиталь встретил её светом и тишиной.

Едва Боб донёс Лэю до ближайшей койки, как целительница – молодая женщина с синими рунами на руках – уже была рядом. Холодные, но бережные пальцы коснулись её лба.

– Перегрузка, – констатировала она, глядя на мерцающие кристаллы у изголовья. – Кантус на пределе, сосуды... – она нахмурилась, вытирая кровь, стекающую из носа Лэи, – нет, остановим.

– Я в порядке, – пробормотала Лэя, но голос прозвучал так, что никто ей не поверил.

– В *лёгкой* форме перегрузки вы уже были. В *тяжёлой* – тоже. Хватит, – сухо сказала целительница, вкалывая ей в вену тонкую, холодную иглу. – Пол-дня покоя, много воды, никакого Кантуса.

Браслет-стабилизатор легонько завибрировал, подстраиваясь. Кристалл на груди чуть потемнел, как будто почувствовал общее истощение и на время притих.

Через полчаса в палату начали стекаться друзья.

Сначала – Боб. С аккуратно закрытой крышкой большой глиняной миски.

– Суп, – кратко пояснил он, ставя миску на тумбочку. – Твой любимый. С яблоками.

Он смущённо почесал затылок.

– Я попросил повара. Он сказал, что теперь это официально блюдо «для тех, кто почти съёл себе мозги». Думаю, это комплимент.

Запах был... домашним. Тёплым. С яблочной кислинкой, с травами. Лэя сделала пару ложек – и корабль в её желудке перестал качаться.

– Спасибо.

– Мы о тебе позаботимся, – серьёзно ответил Боб, и это прозвучало как клятва.

Потом – Ричард.

Он появился, как всегда, с книгами. Целая стопка – от толстого трактата «Резонансные структуры Зерцал» до маленькой, потрёпанной повести «Сказки Разломного кордона».

– Это... – он положил на стол первую книгу, – то, что ты *должна* прочитать, если хочешь понять, что происходит с твоим Кантусом.

Потом – вторую.

– Это – то, что ты можешь прочитать, чтобы отвлечься.

Он чуть помолчал.

– А это, – последней лёгкой упавшей книжкой оказалась тонкая тетрадь с его собственным почерком, – мои заметки по сегодняшней тренировке. Чтобы мы не упустили ни одной ошибки.

Он посмотрел на неё.

– Ошибки – это материал для улучшения, а не повод для паники, – напомнил он.

Она улыбнулась.

– Ты один из немногих, кто называет мой провал «материалом», – отозвалась она.

– Лучше, чем называть тебя «угрозой», – тихо заметил он.

После него ворвалась Злата.

Как всегда, *ворвалась*, а не вошла.

– Я принесла самое важное! – объявила она, плюхаясь на край кровати.

– Надеюсь, не Пожирателя, – пробормотала Лэя.

– Лучше, – отмахнулась та. – Сплетни.

Она начала тараторить: кто из старших украл у маэстро Гектора ботинки и повесил их на флагшток тренировочного двора; как один из первогодков случайно запер себя в кладовке с Разломными крысами, а когда его вытащили, он заявил, что «подружился»; как новая инструктор по тактике неожиданно оказалась бывшей любовницей командира соседнего форпоста – и как теперь между ними искрит *весь учебный процесс*.

Лзя смеялась. Иногда – сквозь боль в висках. Иногда – с настоящим удовольствием.

Слова Златы, как лёгкие, яркие искры, отвлекали от тяжести кристалла и гудения Кантуса.

– И ещё, – наконец, заговорщицки сказала та, понизив голос, – Клод...

– Злата, – раздался от двери сухой голос.

Клод стоял, облокотившись на косяк.

– Я как раз хотела сказать, что ты здесь, – невинно улыбнулась Злата.

– Ты как раз хотела сказать что-то, что меня бесит, – ответил он. – Проваливай.

– У-у-у, – протянула она, но поднялась. – Ладно. Но если вы будете заниматься чем-то неприличным, я хочу знать детали.

– Вон, – указывали ему трое голосов разом.

Она прыснула со смехом и выскользнула в коридор.

Клод подошёл ближе, когда дверь за ней закрылась.

Он не нёс с собой ни миски, ни книг, ни новостей. Только себя. И этого было достаточно.

Он сел на стул рядом с кроватью, как всегда – слишком прямой, будто даже здесь не позволял себе расслабиться. Но когда взял её руку в свои ладони, пальцы его были осторожны.

– Как ты? – спросил он.

– Как перемолотый в «Клетке» фарш, – честно ответила она. – Но фарш с уровнем четыре.

Он хмыкнул.

– Я видел, – сказал он. – И поглощение, и то, как ты усилила мой удар.

Он сжал её пальцы сильнее.

– Это было... – он сделал паузу, подбирая слово, – впечатляюще.

– И страшно, – добавила она. – Я *чувствовала*, как близко была к тому, чтобы сделать тебе больно.

– Ты у нас вообще ходячая дилемма, – заметил он. – «Спасти – навредив» и всё такое.

Она попыталась усмехнуться. Получилось слабо.

Ненадолго повисла тишина. Тепло его ладоней медленно пробивалось сквозь общую усталость.

– Почему это так трудно? – наконец тихо спросила она, глядя в потолок.

Вопрос был не только о тренировке. О Зерцале. О кристалле на шее. О обязанностях, которые свалили на неё, едва она успела стать собой.

– Потому что всё великое всегда трудно, – спокойно ответил он.

Она повернула голову, посмотрела на него.

– Звучит как цитата из пафосного трактата, – пробормотала.

– Почти, – его губы дрогнули. – Это слова моего брата. Он говорил... – Клод на секунду замолчал, – что если дорога гладкая, ты, скорее всего, идёшь не туда.

Он вздохнул.

– Ты выбрала самый неровный путь из возможных. Зерцало. Голос. Мы. —

Кивнул на браслет, на кристалл. – Всё вместе.

Он наклонился чуть ближе.

– Но когда ты стоишь в центре боя, когда мы... *вместе* делаем то, что другие не могут – это того стоит.

Она молчала какое-то время. Слова повисли в воздухе.

Потом тихо сказала:

– Иногда мне кажется, что я просто хочу быть... девочкой, которая печёт пироги.

– Ты *можешь* ей быть, – возразил он. – На пару дней. На время отпуска. Для бабушки. Для себя.

Он сжал её руку.

– Но ты не *только* она. И это – нормально. Ты не обязана выбирать одну версию себя навсегда.

Его голос был ровным, но в нём была та редкая мягкость, которую она слышала только, когда они были наедине.

– А если я сломаюсь? – едва слышно спросила она.

– Тогда... – он на мгновение крепче сжал её пальцы, – мы будем тебя собирать. Снова. Столько раз, сколько потребуется.

Он наклонился, поцеловал её в лоб – осторожно, чтобы не задеть ни перевязки, ни кристалл.

– Отдыхай, – сказал он, отстраняясь. – Дай своим пределам время нарастить новый слой.

Она закрыла глаза.

Кристалл на груди был всё таким же тяжёлым. Браслет на запястье – всё так же тихо вибрировал. Мышцы ныли, внутри ещё теплился отголосок чужого Кантуса, который она сегодня впервые смогла *удержать*.

Было больно. Страшно. Трудно.

Но где-то под этой коркой усталости было крошечное, упрямое чувство удовлетворения.

Она сделала шаг.

На уровень четыре.

И, пока в коридоре стихали шаги друзей, а в палате гудели кристаллы, Лэя позволила себе провалиться в сон – без шёпота, без Голоса, без тренировочных криков.

Просто в темноту, где никакой Разлом не мог до неё дотянуться.

Хотя бы на несколько часов.

Глава 6. Близнец в стенах

Первые странности казались... мелочами.

Так бывает всегда, когда беда уже сидит в доме, но ещё не надела своё лицо.

– Ты записал формулу? – Лэя догнала Ричарда в коридоре, выходя из лекционного зала. – Про резонансную матрицу, которую Мергул показывал.

– Какую формулу? – Ричард моргнул, поправляя очки.

– Ну... – она нахмурилась. – Ту, о которой мы спорили десять минут назад. Ты сказал, что она «математически изящна, но практически бесполезна».

Он нахмурился в ответ.

– Я этого не говорил, – серьёзно возразил он. – Мергул сегодня только про структуру Близнецов рассказывал. Ни одной формулы.

– Но... – она запнулась. В голове всплыла картинка: они стоят вот *здесь*, у этой же стены. Ричард машет руками, объясняя, что «гиперболическая привязка к ядру невозможна без дополнительных каналов», она фыркает. – Мы прямо здесь были. В перерыве. Ты облокотился на подоконник.

Он посмотрел на подоконник как на объект исследования.

– В перерыве я ходил за чаем, – сказал он. – С Бобом.

– С ним, – подтвердил Боб, который как раз подошёл, держа в руках два глиняных стакана. – Ты спала на парте, Лэя. Мы тебя будить не стали.

Она открыла рот, чтобы возразить – и осеклась. Вспомнила тяжесть век во время лекции, ту самую секундную проваленность, когда мир проваливается в темноту и выныривает через миг. «Через миг» – по её ощущениям.

Мозг тут же выдал рациональное объяснение: *задремала, приснилось*.

Но где-то под кожей, в том месте, где Зерцало чувствовало трещины реальности, что-то недовольно скребнуло.

Потом был Тарен.

Второгодник из соседнего крыла, высокий, рыжий, с веснушками, который постоянно всё записывал. Они познакомились на тренировках, пару раз пересекались в библиотеке. Тарен был тем, кого в шутку называли «стратегического уровня зануда»: аккуратный, собранный, вежливый.

Одним вечером, возвращаясь из библиотеки, Лэя увидела его в коридоре. Он стоял, прильнув к стене, и задумчиво смотрел на потолок.

– Эй, – позвала она. – Ты говорил, что добыл сводку по ментальным техникам Ткачей. Можно будет потом взглянуть?

Он моргнул. Затем улыбнулся. Совершенно пустой, любезной, «вежливой» улыбкой.

– Конечно, можно, – сказал он. – Я как раз сейчас иду... туда.

– «Туда» – это куда? – уточнила она.

– В... – он задержался на долю секунды, – в зал.

– В какой зал? – не отставала она.

– В тренировочный, – ровным тоном произнёс он. – Третий.

Он развернулся и пошёл... в противоположную сторону от тренировочных залов.

– Эй, Тарен, – крикнула она ему вслед. – Залы *там*.

Он остановился. Повернул голову. На этот раз улыбка вышла чуть натянутой.

– Да, – сказал. – Я перепутал.

И пошёл дальше. Всё так же – *не туда*.

«Уставший, – сказала себе Ляя. – Перегруз. Все мы иногда идём не туда, если думали о другом».

Зерцало не спорило. Но и не соглашалось.

Слухи начались через два дня.

Сначала – тихий шёпот в коридорах.

– Говорят, в форпосте «Угръ» нашли Близнеца. Он был в отряде *месяц*.

– Месяц? Да ты врёшь. Как они это не заметили?

– Кантора, который их вёл, порвало первым. Никто из оставшихся не был Зерцалом.

– Слышал, в Южной заставе *двое* оказались мимиками. И все думали, что они – родные братья.

Истории множились, обрастали деталями, как снежный ком.

А потом кто-то шепнул в столовой:

– Говорят... один из Близнецов прорвался в сам Замок.

Тишина, накрывшая их стол на секунду, была почти физической.

– Слухи, – мгновенно отрезал Ричард. – Статистически вероятность проникновения мимика через наши внешние рубежи ничтожна.

– А через чью-то глупость? – мрачно уточнил Клод. – Через того, кто решил, что «этот милый мальчик» не может быть опасен?

Он отодвинул тарелку.

– Валерия бы не... – начала Ляя.

– ...проморгала? – закончил он за неё. – Никто не идеален.

– Ну и что, – фыркнула Злата, пытаясь развеять нарастающее давление. – Всё равно у нас есть живой детектор лжи. Или как там вас зовут, ваше величество?

– Очень смешно, – пробормотала Ляя, намазывая хлеб мёдом.

– Я серьёзно, – Злата тут же понизила голос. – Если кто и увидит мимика – то ты.

Она кивнула на Лэю.

– Не нагоняй, – Боб мрачно уставился в миску. – Мне ещё спать сегодня.

Через сутки это уже не был слух.

Распоряжение пришло официальным путём: свиток с печатью Совета, вывешенный на доске объявлений в общем зале.

«В связи с информацией о возможном проникновении мимикрующего существа (далее – „Близнец“) в пределы Замка, ВСЕМ Канторам предписывается:

– соблюдать повышенные меры осторожности;

– не выполнять приказы, поступившие в обход официальной цепочки командования;

– НЕ покидать свои крылья в ночное время без подтверждённой необходимости;

– при любых подозрительных изменениях в поведении товарищей НЕМЕДЛЕННО докладывать маэстро соответствующего крыла».

Последняя строчка была дописана другим почерком: «Зерцало (см. личный список) – привлечь для *проверки* в случае любых сомнений».

Под этим топорным формулированием скрывалась одна простая мысль: «Посмотрите сначала, настоящего ли вы сейчас слушаете человека».

Замок, и так непростой, стал... липким.

В коридорах голоса прошептались и затихли. Взгляды стали цепче. Шаги – осторожнее.

Для Лэи это обернулось кошмаром.

Это было не то, что она делала на тренировке: раз, два, три лица – проверить, убедиться, отойти. Здесь было *десятки*.

Её водили – сначала маэстро Елена, потом кто-то из стражей – по разным крыльям.

– Эта? – шёпотом спрашивала Елена, кивнув на бледную девчонку из лечебного крыла, которая внезапно стала слишком тихой.

Лэя, активируя Зерцало, смотрела.

У обычного человека нити были... живыми. Даже если ровными, даже если тусклыми – они *шли* куда-то: к друзьям, к родным домам, к страхам, к надеждам. У чистого Близнеца же – как показывал Мергул – нити были мёртвым каркасом, не вникающим в ткань мира.

У этой девчонки нити тянулись к койке в госпитале, к руке маэстро-целителя, к маленькой игрушечной кукле на тумбочке.

– Чиста, – шептала Лэя.

– А этот? – страж ткнул подбородком в худого парня из боевого крыла, который вдруг начал улыбаться *слишком* часто, и неудачно шутил не в попад.

– Кантус нервный. Но живой, – констатировала она, глядя на тугие, дёргающиеся нити, в которых пульсировала свежая травма. – Он просто боится.

– А этот? – в библиотеке Ричард неожиданно попросил: – Проверь вот того, второго слева.

– Почему? – удивилась она.

– Он *никогда* не брал книги по теории Разлома, – ответил Ричард так, будто это уже было преступлением. – А теперь внезапно взял три.

Второй слева оказался первогодкой, который, едва она подошла, покраснел и в панике захлопнул книгу – «Тактические преимущества мелких порталов».

– Я... я думал... – зачастил он. – Просто... интересно...

Нити у него были мягкими, слабенькими. Но живыми.

– Чист, – сказала она.

Проверка за проверкой. Лица за лицами.

С каждым «чист» на неё начинали смотреть чуть иначе.

«Она видела меня насквозь».

«Она знает, кто я».

«А если я... не такой хороший, как кажусь?..»

Зерцало было не только инструментом безопасности. Оно становилось *зеркалом*. А никто не любит, когда в него смотрят без спроса.

К вечеру, когда она вернулась в свои казармы, голова гудела.

– Как? – спросил Клод, поднимаясь со стула, когда она вошла.

– Как если бы я весь день заглядывала людям в душу, – устало ответила она, опускаясь на койку. – И каждый второй боялся, что я увижу что-то не то.

– Нашла кого-то? – тихо спросил Боб.

Она покачала головой.

– Все... живые, – сказала. – Все... *настоящие*.

– Может, слухи и правда просто слухи, – предположил Ричард.

Но даже он звучал неуверенно.

Ночью Замок был другим.

Днём шум, гул, крики, шаги, стук металла и голосов. Ночью – тишина, в которой каждый шорох казался громче выстрела.

Сон был неглубоким, рваным, полным обрывков образов: пустые маски вместо лиц, голоса друзей, говорящие чужими интонациями, рука, тянущаяся к дверной печати.

Поэтому, когда к Лэе в щель под двери просочился тонкий, еле ощутимый импульс Кантуса, она проснулась мгновенно.

Не от крика. Не от стука.

От зова.

– Лэя, – голос был знакомый. Ровный. Холодный. – Срочно. Кабинет.

Маэстро Валерия не умела «звать ласково». Даже в экстренной ситуации её тон был неизменно деловым.

Сейчас это был её голос.

Лэя села, оттолкнув одеяло. Ночь ещё держала комнату, тонкая полоска лунного света тянулась по полу.

– Что случилось? – шёпотом спросила Злата с соседней койки, приподнимаясь. Она спала легко, чуть ли не с полузакрытыми глазами.

– Валерия, – так же тихо ответила Лэя. – Срочно зовёт.

– Ночью? – Злата нахмурилась. – Может, подождёшь до утра?

«Если зовут *срочно*, значит, нужно *срочно*», – отозвалась в памяти сухая фраза Клода.

– Если бы могло подождать до утра – не звали бы, – сказала Лэя вслух. – Лежи.

Скинула ночную рубашу, накинула штаны, тёплую рубашу и плащ. Коснулась меча – проверить, чтобы был на месте. Кристалл на груди холодно дёрнулся.

Коридор встретил её знакомым, чуть красноватым, ночным светом факелов. Тени вытягивались по стенам.

До кабинета Валерии было всего две лестницы и один длинный проход.

Каждый шаг отдавался в пустоте.

«Не выполнять приказы, поступившие в обход официальной цепочки командования», – вспомнился сегодняшний приказ. Но *это* был приказ *из цепочки*. Командор Готерна. Её голос. Её метка в Кантусе.

Почти у самой двери она ощутила лёгкий толчок под грудь – кристалл-подавитель притих, но не возмущался. *Разлом* не шевелился.

Слишком... тихо.

Она постучала.

– Войди, – раздался изнутри знакомый голос Валерии.

Кабинет командора она знала.

Широкий стол, заваленный отчётами и картами. Решётчатое окно, выходящее во внутренний двор. Стойка с оружием. Пара стульев. Всё – ровно, строго, функционально.

Валерия стояла у окна, спиной к двери. На ней была та же тёмная форма, волосы – в привычный узел.

– Пришла, – сухо сказала она, не оборачиваясь. – Закрой дверь.

Лэя послушалась.

– Что случилось? – спросила она, чувствуя, как под кожей начинает шевелиться неприятное.

– Случилось, – голос Валерии был... чуть другим. Те же интонации. Те же паузы. Но в них было *что-то*. Как будто кто-то очень талантливый пытался сыграть её, но переигрывал на полтона. – Что то, о чём я говорила тебе на последний тренировке второго года, – повторила «Валерия». – Разлом терпелив.

Она медленно повернулась.

Лицо. Те же резкие скулы. Те же серые глаза. Тот же тонкий шрам у губ, который Лэя однажды заметила, когда командор улыбнулась по поводу какой-то удачной отработки.

Всё было *идеально*.

Но Кантус...

Зерцало включилось сразу, как только она увидела первые миллиметры разворота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.